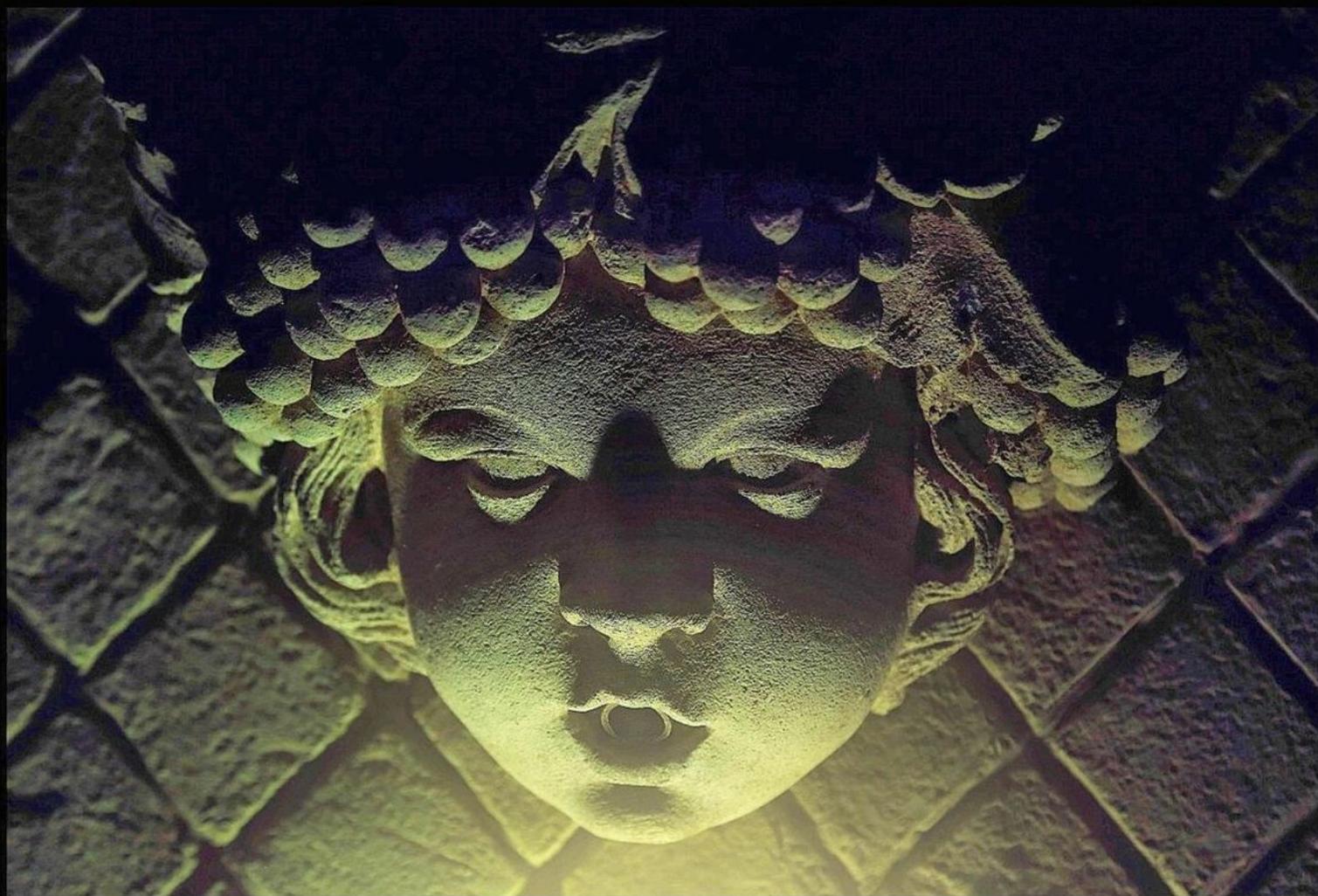

ПОЛЪ МОНТЕР

ДЖУЛИАНА.
ВОЗВРАЩЕНИЕ

Поль Монтер
Джулиан. Возвращение

«Издательские решения»

Монтер П.

Джулиан. Возвращение / П. Монтер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859287-4

Иллюзия мирной жизни царит в тихом провинциальном городке. Жители уверены, что с выходцем из преисподней покончено навсегда. Но его слуги одержимы желанием вернуть хозяина любым способом, устилая свой путь гнусными преступлениями. Читатели встретятся с уже знакомыми персонажами. А также с новыми героями, что своими склонностями к самым низким и отвратительным порокам ничуть не уступают посланнику ада. Книга является продолжением романа «Джулиан» и не рекомендована лицам младше 18 лет!

ISBN 978-5-44-859287-4

© Монтер П.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Джулиан. Возвращение	7
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Джулиан. Возвращение

Поль Монтер

*«Мой Демон – близ меня, – повсюду, ночью, днём,
Неосязаемый, как воздух, недоступный,
Он плавает вокруг, он входит в грудь огнём,
Он жаждой мучает, извечной и преступной...»*

Шарль Бодлер «Разрушение»

Редактор Людмила Яхина

© Поль Монтер, 2019

ISBN 978-5-4485-9287-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

«Не раз и не два я пытался описать свою странную жизнь. Но, одумавшись, счёл, что такому, как я, лучше остаться в тени. Туманным бесплотным призраком, что лишь на мгновение принимает силуэт человека. Хотя я вовсе не призрак, но и человеком, пожалуй, меня нельзя считать с полной уверенностью. Теперь, когда мой отец скончался, я всё чаще стал задумываться над тем, что довелось мне испытать, а скорее узнать, даже не являясь прямым свидетелем событий. На счастье или на беду, я вижу то, что не могут увидеть другие. И при этом вряд ли вызываю зависть. Ибо от рождения я слепец и никогда не видел ни своего лица, ни лиц тех, кто мне дорог...»

Джулиан. Возвращение

– Вот так, моя дорогая Аннетта, в этот скорбный день, я нахожу поддержку и утешение лишь в вашем обществе, – горько вздохнула баронесса Клермон де Винье, и её дряблые щёки задрожали от сдерживаемых слёз.

– Ах, мадам Ортанс! – воскликнула блёклая женщина с бесцветными глазами и желтоватой кожей, обтягивающей узкое, невыразительное личико. – Наша семья, как никто другой, может понять ваше горе и разделить его. Право же, Господь, видно, даровал нам милость, соединив сердца наших детей взаимной любовью. Филипп-Анри и Эмильена словно созданы друг для друга.

– Да, дорогая, вы совершенно правы, – кивнула баронесса. – Милые детки непременно поженятся, и мы с вами станем доживать дни в умиротворении и покое, любуясь их счастьем. Жаль, что нельзя обвенчать их прямо сейчас.

– Помилуйте, мадам Ортанс, Филиппу-Анри ещё не исполнилось семнадцати, и, сказать откровенно, мы считаем его слишком уж юным. В сущности, он действительно ещё совсем дитя.

При этих словах своей хозяйки две горничные, прислуживающие за столом, ехидно обменялись взглядами, едва сдержав смех. Да уж, молодой хозяин тот ещё пройдоха. Удивительно, как вся родня упорно видит в нём несмышлёныша, что нуждается в их постоянной опеке. Ловко он надувает всю семейку, строя из себя младенчика. Поглядела бы его матушка, как жеманный сеньор Филипп развратничает – пожалуй, даст фору прожжённым волокитам в два раза старше его. И вечно у него на уме такие непристойности, что порядочному человеку впору сгореть со стыда. Ну а по части его невесты, мадемуазель Эмильены, то юная особа или наивна до крайности, или не уступает жениху в бесстыдстве.

Но все эти рассуждения слуги предусмотрительно держали при себе, а господа были слишком ослеплены любовью к последнему отпрыску в семье барона Лессара. И пожилая баронесса Ортанс, и вдовья баронесса Аннетта продолжали вести неспешную беседу, изредка прикладывая к глазам платочки. И на все лады обсуждая общее горе, которое словно породило их семьи без малого семь лет назад.

Тем временем двое молодых всадников, Эмильена и Филипп-Анри, свернув с дороги, направились в каштановую рощу. Начало осени выдалось ясным и солнечным, ласковые лучи отбрасывали золотистые тени на по-прежнему свежую траву, едва присыпанную редкой листвой.

– Ну, тебе ещё не надоела романтическая прогулка, Эми? – ухмыльнулся юноша, – или ты вообразила, что мне достаточно лишь насладиться взглядом на твоё личико?

Эмильена в упор взглянула на спутника и рассмеялась:

– Как же, уж чего-чего, а романтичным твой взгляд не назовёшь, Филипп. Ты пожираешь меня глазами с самого начала прогулки.

– Ну, так не будем тянуть время, дорогая, – бросил барон, ловко спрыгивая на землю и помогая спешиться своей спутнице. Быстро оглянувшись по сторонам, он резко притянул девушку к себе, пытаясь поцеловать. Эмильена увернулась и, отступив назад, проронила, не скрывая ехидной улыбочки:

– Вот незадача, неужели сеньору барону отказывают в любовных утехах служанки?

– Нет, дорогая, мне никто не смеет отказать, но эти деревенские простушки ровно ничего не смыслят в любви. Бедняжки не идут ни в какое сравнение с тобой, – цинично усмехнулся Филипп-Анри. – Ну, хватит разыгрывать из себя невинную девицу, Эми, тебе это не к лицу.

– Хм, а что я получу взамен, Филипп?

– Вот нахалка! Получишь удовольствие – только и всего.

– Нет, так не пойдёт, мой нетерпеливый мальчик.

– А чего же ты хочешь ещё?

– Перстень с чёрным топазом, что ты носишь на мизинце. Он чудесно подойдёт к моим серьгам и кулону.

– Ну и пройдоха ты, дорогая! По рукам, я отдам его тебе, но и ты постарайся меня не разочаровать.

– Не беспокойся, останешься доволен, – вульгарно усмехнулась Эмильена. – Но будь добр, устраивайся на земле сам, я не желаю, чтобы каштановые скорлупки впивались мне в спину, как в прошлый раз.

Филипп Анри кивнул и швырнул свою накидку возле старого каштана. Он преспокойно уселся, опершись спиной о ствол дерева, и в холодных серых глазах юного барона вспыхнул интерес испорченного подростка. Эмильена опустила на колени и рывком распахнула его блузу.

– Ах, Эми, ты так непочтительна к застёжкам, они стоят целое состояние, – усмехнулся барон.

– Бьюсь об заклад, дорогой, сейчас тебя это мало трогает, – хихикнула девушка, склонившись над ним так низко, что её рыжевато-каштановые локоны разметались по его телу. Филипп-Анри смотрел на неё из полуприкрытых глаз, бледное лицо его порозовело, дыхание участилось. Он машинально сжал ладони в кулаки, вырывая травинки, застрявшие меж пальцев.

Вспорхнувшая на дерево куропатка равнодушно взирала на молодую пару, чьи лица покраснели от желания. Это вовсе не напоминало робкое свидание юных влюблённых, а скорее походило на гнусные развлечения господ в тёмных закоулках нищих кварталов, кишачих подозрительными притонами.

– О-о-о, ты всё же отъявленная шлюха, Эми... – выдохнул Филипп-Анри, резко выгибаясь всем телом.

– Да, потому-то тебя ко мне и тянет, – нагло рассмеялась девушка. – Тебе ли не знать моё весёлое прошлое, сеньор ростовщик?

– Кому же, как не мне, – усмехнулся в ответ барон. – Но при нашей первой встрече ты была пронырливой сводней с постным поблёкшим лицом и костлявыми плечами, дорогая. Уж можешь поверить, что тогда мне бы в голову не пришло тобой увлечься.

– Вот мило! Ты вообразил, что коренастый мужлан с глазами убийцы вызывал во мне любовное томление? В ту пору ты сам выглядел не лучше. Притом нас связали совсем другие узы – гораздо прочнее, чем плотские желания.

– Ты права, Эми, но раз уж посчастливилось получить новые юные тела, отчего бы не попользоваться этим в своё удовольствие?

Эмильена пожала плечами и, невозмутимо приводя в порядок одежду, проронила:

– Я свою часть уговора выполнила, ты с лихвой получил обещанное, давай перстень.

Филипп-Анри с усмешкой опустил кольцо в протянутую ладонь девушки.

– Скажи, Эми, отчего тебе так необходимо получить плату за любовь, ведь твоя семья не беднее моей?

– Не знаю, что ответить, красавчик. Но когда я ласкаю кого-то просто так, право же, мне кажется, что меня обокрали.

Барон расхохотался так громко, что жирная перепёлка испуганно вспорхнула, спешно покидая насиженное место.

– Можешь верить на слово, девочка, я получаю неменьшее удовольствие, когда мои крестьяне начинают молить меня об отсрочке выплат. Чувствую себя, как в прежние славные времена, когда давал деньги в рост.

– Однако мы с тобой страшно поплатились за свою прошлую жизнь, Филипп, – мигом нахмурив брови, бросила Эмильена. – И ты знаешь, кого стоит благодарить за воскрешение.

– Конечно, знаю, дорогая.

– И что дальше? Вообразил, что ему хватит нашей благодарности или предлагаешь записать его в поминальник и отслужить мессу? – хмыкнула баронесса.

– А что мы ещё можем сделать? В конце концов, не наша вина, что его проклятая мамаша решила на убийство. Кто знал, что Сьюзи Потаскушка осталась в живых и убежала к святошам. Мы защищали его как могли, а если победа досталась своре распятого, стало быть, такова судьба.

– Вот неблагодарная дрянь! – взвизгнула Эмильена, с размаху отвесив юноше звонкую пощёчину. – Думаешь, он одарил нас жизнью и оставил здесь из христианского милосердия?!

– Не смей поднимать на меня руку, шлюха! – грубо рявкнул Филипп, тряхнув девушку за плечи так сильно, что, не удержавшись на ногах, она отлетела назад, больно ударившись о ствол каштана.

– Попридержи свою силу, мальчик, меня не так-то легко запугать, а тем более усмирить, – криво усмехнулась Эмильена, потирая плечо. – Хозяин дал нам вторую жизнь, и мы обязаны сделать то же самое. Неужели надеешься, что удастся прожить в чужом теле, наслаждаясь до преклонной старости, и час расплаты не наступит?

Филипп-Анри молча смотрел на подругу, сжав губы. Мысли вихрем проносились в его голове и, как опытный делец, он пытался при любом раскладе соблюсти свою выгоду.

– Хм, послушай, Эми, за эти семь лет мы не единожды пытались вытащить его из преисподней. Но ты не хуже меня знаешь, что все попытки окончились ничем. Разве это наша вина? Видно, дверца закрыта намертво, и мы больше не в силах отворить её. Даже уцелевшая доска оказалась непригодной.

– Не будь тупицей, юный барон Лессар, – усмехнулась девушка. – Нам всего лишь надо найти помощников, раз одним не под силу. Я никогда не оставлю попыток вызволить хозяина. Поверь на слово, только рядом с ним нам ничего не грозит. Иначе наша славная жизнь оборвётся в любой момент, и кто знает, какое ещё наказание ждёт нас за грехи.

– Ладно, Эми, не будем ссориться, – подмигнул Филипп-Анри, – в наших отношениях кроме выгоды немало приятных моментов, чего ради всё усложнять?

Вскоре пара начала медленно прохаживаться вдоль тропинки, ведя лошадей под уздцы и тихо переговариваясь. Издали они вполне походили на приличных господ, что совершают прогулку, и никому и в голову бы не пришло, что вытворяли эти молодые люди не больше четверти часу тому назад. А вернувшись в особняк Лессара, оба выглядели обычными жеманными отпрысками знатных семей, с равнодушным взглядом и капризно изогнутыми губами. Служанки вновь ехидно переглянулись: молодой барон будет половчее проходимцев и обманщиков на ярмарке. Чего стоят его ледяные глаза и белоснежное лицо, обрамлённое пепельными, словно рано поседевшими локонами. Видно, всей родне невдомёк, каким наглым и бесстыжим становится подросток, когда остаётся с прислугой наедине. Ну да это их дело, так уж заведено, что господам позволено много больше, чем простым людям.

Провинциальная жизнь Куа Тронкиля¹ была такой неспешной и размеренной, что лишь события семилетней давности продолжали вызывать хотя бы какой-то интерес. С тех пор как почти в одночасье знатные семьи городка лишились наследников, говорить стало и вовсе не о чём. Умерших оплакали, пропавших поминали как живых. И слабая надежда, что блудные сыновья ещё вернуться, не оставляла семьи. Теперь же в домах знати прибавился ещё один повод для разговоров. Предстоящее венчание юного Лессара и мадемуазель Клермон де Винье.

¹ Coin Tranquille (фр.) – Тихий Уголок

Но если после свадьбы юные супруги решат покинуть городок, в Куа Тронкиле и вовсе не останется молодёжи. И хотя Эмильена и Филипп-Анри были избалованы сверх всякой меры, никто не пытался ставить это в вину несчастным родителям. Бедняжка баронесса Органс успела схоронить старшего сына, блестящего молодого человека, подающего большие надежды. И потерять среднюю дочь, что, к всеобщему смущению, видно, сбежала с простолюдином. Неудивительно, что самую младшую дочку лелеяли больше, чем розу в оранжерее. Мать не решилась отдать её в монастырь на обучение, памятуя, что пропадающая дочь сбежала как раз по дороге в обитель.

Филипп-Анри за одно лето потерял отца и родного дядюшку. Каково несчастному ребёнку пережить такое? Отец умер от неизвестной хвори и перед кончиной повредился умом, а дядя, совсем ещё молодой весельчак и гурман, задохнулся от собственного жира. Кто же решится попрекнуть баронессу Аннетту в том, что мальчишке дозволено лишнего, и мать обмирает от страха, что с ним произойдёт что-то ужасное. Его, как и Эмильену, не решились отдать в обучение к Святым Отцам. Учителей поселили в особняке, лишь бы юный барон всегда был на виду. Брак между молодыми наследниками семей – дело решённое, лучшей партии им не найти. И хотя юноша чуть моложе своей невесты, это вовсе не помеха для свадьбы. Событие обещает быть весьма пышным, приданое – щедрым, и совместная жизнь – безоблачной. Приготовление к свадьбе – приятное занятие. Тем более когда не надо думать о деньгах. Обе семьи достаточно состоятельны. Вопросы приданого не поселили между ними раздора и скрытого недовольства. И как отрадно обсуждать чудесные вышивки, что украшают постельное и столовое бельё, милые мелочи, что непременно должны быть у каждой новобрачной. Это куда приятнее, чем сидеть в тоске и унынии, поминая погибших. А славная парочка лишь кривилась, глядя на умильное выражение лиц своих родственников. Право же, эти люди сродни малым детям по уму. Ну да пусть лепечут о предстоящем празднике, лишь бы оставили их в покое и не надоедали с нудными поучениями о таинстве брака. Уж чего-чего, а для юной невесты и ещё более юного жениха таинственная часть семейной жизни была лишь поводом глумливо посмеяться, отдыхая после плотских утех.

Конец осени выдался необычайно дождливым, и промозглая сырость словно вуалью окутала предместье Куа Тронкиля. Нечего было и думать расположиться в роще, где раньше густая зелень была для них альковом. И Филипп-Анри с Эмильеной облюбовали развалины старой мельницы, что когда-то построил самонадеянный глупец в пику отцу. Решивший быстро разжиться деньгами без совета и нравоучений. Конечно, не прошло и нескольких месяцев, как молодой строптивец дочиста разорился и, заливая горе вином, вскоре скончался, скатившись с крутой лестницы на каменный пол. Желающих занять непригодное место не нашлось, и ко времени появления в ней молодой парочки остались лишь обветшалые стены с дырами вместо окон, слетевшей с петель дверью и прохудившейся крышей. Внутри разрушенной постройки всё пропахло затхлой сыростью. Гнилые доски жалобно скрипели при малейшем ветерке, лужи на полу не просыхали неделями. Но, видно, знатные господа были брезгливы лишь на людях. Их вовсе не смущал ни запах, ни жалкий вид запущенного жилища. Они как ни в чём не бывало устраивались прямо на полу, раскидав по нему сено из копны, что так старательно собирали крестьяне, и накрывали это самодельное ложе накидкой из тонкого сукна. Никто не мешал им предаваться неумной страсти и развлечениям в своё удовольствие. А после с циничными ухмылками обсуждать родню, попивая вино из фляги Филиппа-Анри.

В один из дней над лесом разразилась нешуточная гроза. Перепуганные родители отправили слуг и крестьян-арендаторов на поиски своих легкомысленных чад, придя в ужас, что их прибьёт молнией или понесёт обезумевшая от раскатов грома лошадь. Несчастной прислуге осталось надеяться на милость всех Святых да удачное завершение поисков. Видно, злой рок

привёл к старой мельнице крестьянина Риваля и заставил бедолагу заглянуть внутрь. Опешив от увиденного, старик громко вскрикнул:

– Силы небесные! Глазам не верю, чтобы таким недостойным делом занимались благородные сеньоры, да ещё в столь юном возрасте!

Злобные гримасы мигом исказили разгорячённые похотью лица и, отпрянув друг от друга, Филипп и Эмильена впились в Риваля взглядом полным ненависти.

– Паршивый жалкий старик, надо же было испортить всё удовольствие! – грубо рявкнул барон, подскочив к Ривалю.

– Сеньор Лессар! Ваша родня отправила на поиски немало слуг, в боязни что вы пострадали от грозы. Но, как ни прискорбно, лучше бы вашей славной матушке потерять сына, чем принять его позорное поведение. А уж по части госпожи Клермон де Винье, пожалуй, даже деревенская девушка не позволила бы себе такого до свадьбы.

Внезапно Эмильена рассмеялась и, без всякого смущения поправив лиф платья, подошла к крестьянину и, подмигнув, протянула:

– Вот незадача, папаша, видно, ты так одержим добродетелью оттого, что твоя старуха утратила любовный пыл. Но я сумею взбодрить даже замшелого старикашку вроде тебя.

Риваль задохнулся от возмущения, совсем не заметив, как обменялись быстрыми взглядами баронесса и Филипп. Старик отшатнулся от девушки, что внушала ему ужас своей вульгарной ухмылкой и речью уличной потаскухи. Но бедолага не успел толком сообразить, что произошло, как нестерпимая боль разом лишила его сил. Так и не издав ни единого звука, крестьянин повалился на юного барона. Филипп-Анри резкого выдернул кинжал из обмякшего тела старика и с ловкостью мясника полоснул несчастного по горлу. Глаза Эмильены расширились, тонкие ноздри затрепетали, и на лице промелькнула ухмылка сладострастия.

Филипп-Анри бросил победный взгляд на свои испачканные кровью руки.

– Смотри, Эми, совсем как в детстве. Помнишь, мы швыряли кроликов волку и смотрели, как он разрывает их жалкие тушки? Тогда мои пальцы тоже были в крови, и я приложил их к кружеву твоего платья.

Девушка неспешно подошла вплотную к барону и нежно прижалась к его груди.

– Конечно, помню, Филипп, – томно выдохнула она. Юноша медленно провёл по её губам окровавленным пальцем и хрипло шепнул:

– Проклятье, вид крови возбуждает меня до крайности, ничего не могу с собой поделать. Этот старый недоумок так некстати прервал нашу любовную игру, но теперь я хочу тебя ещё сильнее.

Эмильена лишь крепче прильнула к своему спутнику и, взяв его руку, медленно облизнула пальцы барона. Но не успела пара, охваченная страстью, слиться в долгом поцелуе, как им явно послышался протяжный стон. Поначалу оба с досадой подумали, что это бедолага Риваль отдал последний вздох, но брошенный взгляд на тело, лежащее без всякого движения, убедил их, что крестьянин давно мёртв. А меж тем глухой и надрывный стон, словно исходящий из стен, вновь повторился.

Молодые люди замерли на месте, напряжённо вглядываясь в полумрак жалкой комнатёнки и, затаив дыхание, прислушались. Дождевые капли монотонно стучали по разбитой крыше, но к этому заунывному звуку явно добавилось чьё-то тяжёлое дыхание. И затем вновь послышался протяжный стон.

Эмильена машинально бросила взгляд на мёртвое тело крестьянина и внезапно вскрикнула, отчаянно вцепившись в руку барона.

– Филипп! Ох... Филипп! – только и смогла произнести девушка. Юный сеньор обеспокоенно уставился на лужу крови, что успела натечь возле головы убитого. Холодные глаза его вспыхнули, и пот заструился по вискам. Словно невидимая рука, обмакнув в кровь палец, медленно выводила на досках пола буквы. Эмильена и её спутник с расширившимися гла-

зами уставились на эти письма и едва заметно шевелили губами, пытаясь прочесть послание. Филипп-Анри, в конце концов, опустился на колени, желая разобрать буквы, ведь сумрак мельницы делал их очертания и вовсе размытыми. И, видно, тот, кто отправлял послание, был необычайно слаб и немощен. Слова шли вкривь и вкось. Баронесса застыла, прижав руки к груди, и тяжело дышала.

– Ну, что там, Филипп? Не мучай меня! Проклятье! Я не могу прочесть, перед глазами всё плывёт, – сдавлено пробормотала она.

– Ой, Эми! Ты только посмотри, трижды написано одно и то же.

– Да что именно, скажи, наконец!

– Да всего лишь: «помогите мне». И всё, да-да, больше ничего, взгляни сама, если не веришь. Как ты думаешь, Эми, это послание для нас? Вернее, я... я... хочу сказать, что его автор... возможно...

– Джулиан! – истерично крикнула Эмильена, рухнув на колени. Ничего не осталось от самодовольной жеманной девицы – сейчас баронесса Клермон де Винье походила на помешанную. Глаза её сверкали, губы кривились, по лицу градом катился пот.

– Мой мальчик... мой любимый мальчик... Джулиан...

Глядя на подругу, Филипп-Анри испытал необъяснимый ужас и с побелевшим до синевы лицом, так же как и Эмильена, протянул вперёд руки, словно слепец, что пытается на ощупь определить, нет ли преграды.

– Хозяин... это вы... сеньор герцог... вы... вы здесь? – бубнил он охрипшим от волнения голосом. Но ответа не последовало, и лишь невидимая рука вновь начала выводить кровавые письма:

«Помогите мне. Помогите... Иначе наша встреча состоится в аду...»

– Да! Мальчик мой! Мой сыночек, мой повелитель, любовь моя! Я сделаю всё, всё, даже если мне придётся утопить в крови всю провинцию или принести в жертву самого епископа! Только чтобы помочь тебе, мой дорогой! – Эмильена ползала по полу, не в силах подняться на ноги, выкрикивая отрывистые фразы визгливым безумным голосом и захлёбываясь слезами. Филипп-Анри хриплым шёпотом вторил ей, твердя одно и то же, даже не пытаясь остановить подругу:

– Мы всё сделаем, хозяин... всё, что пожелаете... всё, что прикажете...

Но надписи внезапно закончились, стон и тяжёлое дыхание исчезли, и в комнатухе вновь воцарилась тишина, нарушаемая лишь стуком дождевых капель.

Эмильена с минуту застыла на месте, беспомощно озираясь по сторонам. И, внезапно издав дикий вопль, она начала срывать полусгнившие доски пола, царапая пальцы и не обращая внимания на боль в израненных руках. С недожинной силой, что случается у сумасшедших во время припадков, девушка крушила дерево, вырывая проржавевшие гвозди голыми руками.

– Эми! Чёрт побери! Прекрати, Эми! Что ты делаешь? – крикнул, очнувшись, Филипп-Анри.

– Он там... я знаю... он там... внизу... в преисподней... мой мальчик... я помогу тебе... я не оставлю тебя... – бессвязно бормотала баронесса.

– Проклятье, Эми! Да перестань выть, словно о покойнике! Очнись! Хозяина там нет, иначе бы мы сейчас пили вино за его счастливое возвращение в более шикарном месте.

– Я должна помочь ему, понимаешь, Филипп! Мы обязаны вытащить его!

– Да не будь душой, Эми, если бы это было так просто, стал бы он посылать вести. Ты что, забыла, что мы безуспешно пытаемся вызволить его лет семь! Всё, успокойся или получишь оплеуху, что мигом приведёт тебя в чувство. Во всей сегодняшней истории меня радует, что за долгие годы хозяин хотя бы дал о себе знать. Просто повезло, что я прикончил этого разиню Риваля – его кровь сослужила отличную службу. Знать бы раньше...

– Послушай, Филипп... – глухо произнесла Эмильена, тяжело поднимаясь с пола и откинув намокшую от пота прядь волос со лба. – Если будет нужно, я готова на всё ради Джулиана. И не остановлюсь ни перед чем, даже если потребуется вытащить из могилы паршивого шевалье Эрика!

– Ну и мысли у тебя, дорогая! – хмыкнул барон. – Вообразила, что смазливый юнец Лоран одним своим видом заставит хозяина выскочить из преисподней? Должен тебя огорчить: этого несчастного уже не удастся использовать как наживку для ловли рыб. Его проклятый братец своими нудными молитвами успел позаботиться о пропащей душе.

– Неважно, Филипп, ради хозяина я решусь...

Но договорить она не успела. Внезапно пол вокруг мёртвого крестьянина вспыхнул сам собой, и огонь мигом побежал по уцелевшим стенам.

– Бежим, Эми! Пока не превратились в жалкие головёшки! – крикнул Филипп-Анри, схватив девушку за руку и успев выскочить из охваченной пламенем постройки до того, как огонь сумел охватить её целиком. У барона Лессара хватило ловкости отвязать лошадей, что тоскливо жались под развалившимся навесом, терпеливо ожидая хозяев. И вскоре всадники поспешили прочь, ни разу не оглянувшись на полыхающую постройку.

Переполох в особняке Клермон де Винье вызвал у молодой пары отчаянное раздражение. Что за манера кудяхтать над каждым происшествием, слово куриный выводок? Хотя оба они предусмотрительно соорудили страдальческие гримасы, наговорив лживых объяснений, наспех сочинённых по пути домой. Филипп-Анри бережно внёс Эмильену в дом на руках. Она закатывала глаза и тихо стонала. Бледное лицо барона, обрамлённое намокшими прядями волос, тотчас показалось окружающим испуганным и совсем беззащитным. Ах, милый мальчик, он, видно, вытерпел немало страшных минут, спасая невесту. Какой ужас! Лошадь бедняжки Эми действительно помчалась как ошалевшая при первом же раскате грома. И Филиппу-Анри стоило отчаянной храбрости броситься наперерез обезумевшему животному. Но, слава милосердию Господнему, он успел вовремя. Экая жалость, что оба молодых человека вымокли до нитки и, кажется, успели пораниться о ветки, что исхлестали смельчаков. Кружевные манжеты юного барона в крови! Несколько капель попало и на лиф платья девушки. Бедняжке надо немедленно лечь в постель и выпить липового отвара. Старая чопорная няня Клементина поспешила приготовить питьё, но юная мадемуазель, оказавшись в своей спальне, немедленно пожелала остаться со своим женихом с глазу на глаз. И неожиданно вовсе не ослабевшим голосом грубо выгнала вон всю прислугу. Клементина поджала губы и проследовала к хозяйке.

– Конечно, это не моё дело, мадам, – сложив руки под белоснежным фартуком и нахмурилась, проронила она. – Но сеньору Лессару лучше бы отправиться домой. Его родня волнуется не меньше нашего. Да и притом неприлично оставаться с молодым человеком наедине, да ещё в спальне!

– Ты ума лишилась, милая? – возмущённо воскликнула старая баронесса. – Филипп – жених моей дочери! Я ни на секунду не сомневаюсь в его чистых помыслах, так же как и в себе самой. И к тому же они, в сущности, совсем ещё дети, которым не ведомо влечение и греховные мысли. Бедняжка Эмильена натерпелась страху и немудрено, что ей лучше возле своего спасителя. Оставь, Клементина, займись делом и не докучай мне глупостями.

Служанке пришлось удалиться и, поджав губы, она лишь успела буркнуть себе под нос, что излишнее баловство один раз уже сыграло злую шутку в семье хозяев. В конце концов, мадемуазель ещё не вышла за сеньора замуж, чтобы вести себя так, как ей взбредёт в голову.

Меж тем девушка проворно соскочила с кровати и быстро повернула ключ в замке, заперев дверь спальни.

– Ну, Филипп, что нам теперь делать? – отрывисто бросила она, схватив юношу за обшлага камзола.

– Ты о чём, дорогая? Об этом старом дураке, что некстати сунул нос на мельницу?

– Вот ещё нужда! Да мне ровным счётом плевать, что кости его успели обуглиться. Стори он живьём, я и то не обернулась бы поглазеть на такое. Я о послании...

– Хм, можешь не волноваться, девочка, ещё по пути домой у меня возникла одна заманчивая идея. Если повезёт, хозяин в скором времени предстанет перед нами живой и полный сил, – самодовольно подмигнул Филипп-Анри.

– Если бы ты знал, как я жду этого! – воскликнула Эмильена. – Когда сможем начать?

– Да хотя бы завтра. Давай встретимся в полдень в перелеске, не доезжая до мельницы, вернее, до того, что от неё осталось.

– По рукам, Филипп. Тогда до завтра, тебе пора, иначе твоя полоумная родня прискачет сюда. Я еле терплю своих, а уж ваша семейка и святого выведет из себя.

Незадолго до полудня мадемуазель Клермон де Винье заявила, что непременно желает помолиться в ближайшей часовне и заказать мессу в благодарность за вчерашнее спасение. Уговоры взять провожатых не возымели действия, впрочем, как всегда. И, вновь промокнув слезу умиления по поводу набожности своей дочери, баронесса Органс лишь кивнула в ответ, к большому неудовольствию сердитой няньки Клементины. Подъехав к условленному месту, Эмильена с удивлением увидела, что возле Филиппа-Анри переминается с ноги на ногу увалень Гожан. Дитина был чем-то вроде деревенского дурачка и соглашался на любую работу, что не требовала большого ума и сноровки. Обмануть его под силу было даже сопливым ребятишкам, и бедняга никогда не мог отличить, подшучивают ли над ним, или говорят всерьёз. Барон Лессар вместе со спутницей неспешно двинулись вперёд, а Гожан поплёлся за господами, пиная носком старых сабо камешки забавы ради.

– Что ты задумал, Филипп? – озабоченно шепнула девушка, искоса поглядывая на громоздкую фигуру деревенского парня.

– Да самое простое дело, Эми. Потерпи немного, сама увидишь, помоги мне только не спугнуть этого недоумка – и дело пойдёт.

Окинув взглядом пепелище, что осталось от мельницы, Гожан громко присвистнул.

– Ну, парень, знаешь, что тут было раньше? – с добродушной улыбкой спросил барон Лессар.

– Да-а-а, хозяин, тут вроде стояла мельница... – задумчиво протянул дитина. – Но вчера случилась сильная гроза, я даже побоялся нос на улицу высунуть. Такого страшного грохота я ещё не слышал. В деревне говорят, что папаша Риваль забрался сюда в надежде переждать непогоду, да ему не повезло: молния попала прямоком в постройку. Бедняга не успел выбраться и сгорел заживо. Ох... должно быть, это страшная гибель, не иначе он чем-то прогневил Господа.

Эмильена и её спутник быстро обменялись взглядами.

– Видишь, Эми, всё как нельзя лучше, никто не заподозрил убийства, – шепнул Филипп-Анри. – Ну, хватит о грустном! – весело воскликнул он, подмигивая парню, – мы с мадемуазель заключили пари, и ты должен нам помочь. Выполнишь просьбу – и получишь три эю².

– Заключили чего? – глупо пробормотал Гожан, приоткрыв рот и уставившись на сеньоров.

– Вот дурак! – в сердцах проронила Эмильена. – Мы поспорили, понимаешь?

– А-а-а-а, стало быть, побились об заклад, – кивнул крестьянин.

Филипп-Анри брезгливо хмыкнул и закатил глаза:

² Название средневековых золотых и серебряных монет Франции

– Не старайся понять, мой бедный друг, выполняй, что нужно, получай плату и проваливай. Вот, видишь, у меня есть доска, – с этими словами барон вытащил из-под полы камзола изрядно почерневшую и обгорелую по краям доску, на которую Гожан уставился с явным удивлением. Чего ради знатым господам таскать такой хлам?

– На ней вырезаны углубления для рук, – продолжал Филипп-Анри. – Если твои ладони придутся точно по отпечаткам, выиграю я, если нет – победит мадемуазель.

– А как же плата, сеньор барон? Если мои руки окажутся больше или меньше? – пробормотал Гожан.

– Мой славный дурачок, свои три экю ты получишь в любом случае, – сладко произнёс Филипп-Анри.

– Годится, хозяин! – обрадованно воскликнул парень.

Барон Лессар, совсем не заботясь, что пачкает в саже нарядные башмаки, встал посреди сгоревших развалин и бережно опустил доску на землю.

– Ну, давай, друг мой, опусти свои ладони, посмотрим, кто выиграл пари.

Эмильена вздрогнула и, подхватив пышные юбки, поспешила ближе. Она кусала губы, не в силах скрыть волнения, дыхание её стало прерывистым.

Гожан неловко присел на корточки и приложил руки к отпечаткам на доске. Несколько секунд Филипп и его подруга, затаив дыхание, замерли. Но ничего не произошло.

– Прижми руки крепче! – крикнула баронесса. Но, как парень ни старался, едва не вдавив доску в землю и пытая от усердия, результата не было. На напряжённых лицах знатных господ появилось выражение горького разочарования. И в довершение, из-за пазухи рубахи Гожана вынырнул оловянный крестик и, покачиваясь, повис прямо над доской. С резким звуком старое дерево треснуло прямо посередине.

– Ах, проклятый недоумок! – завизжала Эмильена, с силой оттолкнув беднягу и выхватив доску, прижала её к груди.

От неожиданности парень плюхнулся прямо на обуглившиеся останки пола и замер, открыв рот.

– М-да, не зря простолюдины болтают, что распятый вечно охраняет дураков, – сквозь зубы процедил барон. – Ладно, вот твои монеты и проваливай побыстрее.

– А кто выиграл спор, хозяин? – наивно глядя на хмурые лица сеньоров, спросил Гожан.

– Пошёл прочь! – рявкнул Филипп-Анри. Парень удивлённо пожал плечами и, бережно спрятав монетки, почтительно поклонился. И, не оглядываясь, направился в обратный путь.

– Зачем ты его отпустил, Филипп? – прошипела девушка. – Надо было перерезать ему горло прямо на месте!

– Нет, Эми, хотя такая мысль у меня была, – хмуро бросил барон. – Но мне важнее было проверить, не стала ли мельница тем самым входом в преисподнюю, который мы так безуспешно ищем. К прискорбию, это оказалось не так... А по части этого жалкого дурака, толку в его смерти не было бы никакого. Он слишком наивен и, видимо, начисто лишён грехов, словно малое дитя. К тому же его рассказы мало кого заставят заподозрить неладное. Всё, что он сможет пролепетать – как получил деньги, участвуя в споре сеньоров. Кровь праведника неважный проводник в мир тьмы.

Эмильена с минуту помолчала, но внезапно слёзы хлынули из её глаз сплошным потоком.

– Проклятье! Да что с тобой творится, дорогая? Вот уже без малого месяц ты начинаешь закатывать истерики по любому поводу – это вовсе не похоже на тебя.

Девушка пожалала плечами и, промокнув глаза платочком, злобно проронила:

– Ещё один повод для уныния, Филипп, – паршивый младенец, которого я ношу.

– Младенец?! – ошарашенно воскликнул Лессар, вытаращив глаза. – Да с чего ты взяла... вот ерунда... откуда он появился?

– Хм, ты вовсе растерял остатки ума, маленький сластолюбец? Откуда бы появиться ребёнку, должно быть, непорочное зачатие, как у мамыши распятого, – грубо рассмеялась Эмильена.

– Оставь, я совсем не это хотел сказать. Я попросту не ожидал, что наши новые тела способны сыграть эдакую глупую шутку. На что нам сдался этот несчастный? Уж чего-чего, а отцовских чувств я сроду не питал, хотя наверняка успел наплодить кучу ребятишек ещё в прошлой жизни.

– Ты думаешь, у меня возникает желание стать матерью? Единственное дитя, ради которого я когда-то пожертвовала жизнью, был и остаётся Джулиан. И мне жаль до слёз, что не я произвела его на свет. А что касается плода наших с тобой развлечений, лучше бы ему вовсе не появляться. Не волнуйся, я знаю, как решать такие дела

– Кому же, как не сводне знать это, дорогая, – глумливо подмигнул барон. – Однако тебе следует поторопиться, пока твоя зануда нянька, что вечно суёт свой нос куда не следует, не пронюхала об этом.

Но Филипп-Анри наделил Клементину излишней прозорливостью: ни единая душа в особняке Клермон де Винье и подумать не могла о положении мадемуазель. Хотя Эмильене стоило немалых усилий тщательно скрывать своё состояние. Несмотря на отчаянные попытки и богатый опыт сводни и потаскухи, ей никак не удавалось освободиться от младенца до его рождения. Она немилосердно затягивалась в корсет, носилась верхом на лошади, пила отвары, которые тайком варила по ночам в своей комнате, твердила заклинания, но ничего не помогало. Эти бесплодные попытки доводили её до бешенства. А Филипп-Анри лишь пожимал плечами. Да стоит ли так злиться? Раз уж это случилось, пусть негодный младенец родится как положено. В конце концов, их свадьба – давно решённое дело, и глупая родня вряд ли начнёт скрупулёзно высчитывать даты. Эти недоумки вполне проглотят историю о слишком ранних родах – только и всего. А после ребёнка останется только вручить оголтелым от любви бабушкам и няням и забыть о нём. Юная баронесса в сердцах разрывала веер или платок. Словом, первое, что попало под руку. Ну не дурак ли барон Лессар? Какая свадьба? Он что, забыл, как уже много лет не может приблизиться к церкви ближе чем на десять шагов? Всё это время оба старательно ищут причины отказа для посещения месс и праздников и лгут, что ходят туда в другие дни. Успел запомнить, как его стало колотить в припадке, стоило явиться к городскому собору на пасху? Как он извивался на земле, и изо рта хлестала пена? По счастью, глупая родня и соседи вообразили, что его настигла хворь, что сгубила его папашу. И даже настоятель не усмотрел подвоха. И как сама Эмильена лишилась чувств прямо на пороге часовни. А после, очнувшись, едва не умерла от удушья, когда мать повела её на мессу по умершему брату. Вот славная картина, когда на венчание им двоим придётся зайти в собор! Должно быть, они сгорят заживо на потеху святошам.

Филипп-Анри хмурил брови и кривил капризный маленький рот. Проклятье, Эми права, ни о какой свадьбе не может быть и речи! Но что делать с младенцем, раз он нарочно цепляется за жизнь, лишь бы им досадить. Но, если всё попытки его изгнания окончились ничем, стало быть, придётся смиренно ждать его появления и расправиться с ним сразу же после рождения.

В унылой тоске и сложа руки им оставалось лишь ожидание. А чтобы совсем не закиснуть со скуки, они продолжили любовные встречи, предаваясь плотским утехам, нагло расположившись прямо в спальне Эмильены. Барон преспокойно влезал в окно по ночам и исчезал только на рассвете. Благо что в тихой провинции царил мир и покой, и ленивые сторожа вовсе не утруждали себя излишней бдительностью. Но в одну из ночей произошла досадная оплошность. Мадемуазель начисто позабыла запереть дверь на засов, уверенная, что никто из слуг не посмеет явиться ночью без её приказа. Старая няня Клементина, озабоченная побледневшим лицом и болезненным видом своей воспитанницы, который остальные списывали на

обычное волнение перед предстоящей свадьбой, решила посмотреть, не нуждается ли госпожа в липовом отваре для лучшего сна и не слишком ли холодно в её спальне. Женщина, прикрывая рукой пламя свечи, тихонько вошла в комнату и с удивлением услышала странные звуки. Бедняжка вообразила, что Эмильена стонет и мечется в постели от лихорадки. Она подошла ближе к алькову, подняв свечу выше, стараясь разглядеть, что происходит. Увиденное заставило Клементину вскрикнуть от неожиданности и едва не выронить свечку на постель. Первое, что предстало перед глазами чопорной служанки, был обнажённый мужской зад, ритмично виляющий из стороны в сторону, и задранные вверх женские ноги в чулках, успевших от усердия спуститься ниже колен.

У служанки перехватило дыхание, и она лишь ловила ртом воздух, не в силах произнести ни слова. На её вскрик парочка мигом отпрянула друг от друга, и с перекошенным от злости лицом, торопливо натянув панталоны, с постели соскочил юный барон.

– Вот дура проклятая, надо же было явиться именно сейчас! – воскликнул он.

– Пресвятая Дева! – осенила себя крестом няня. – Сеньор Лессар! Вы... вы здесь, ночью?! В постели юной девушки?!

– Только попробуй закричать! Я тебе шею сверну, старая перечница! – прошипела Эмильена, хватая служанку за плечи.

– Это неслыханно! Неслыханно! Какой позор на обе знатные семьи! – продолжала причитать Клементина. – Я должна известить вашу матушку немедленно!

– Сначала доложи своему покровителю, старая дура! – крикнул Филипп-Анри, схватив несчастную за шею и с силой сомкнув пальцы у неё на горле.

– Постой, Филипп, – торопливо пробормотала баронесса. – Подушкой будет вернее, иначе на шее останутся следы от удушья.

Лессар только кивнул и, повалив женщину на постель, быстро закрыл её голову подушкой.

– Эми, держи её руки, иначе она расцарапает меня, пока окончательно не затихнет, – тяжело дыша, бросил он.

Им казалось, что прошло более получаса, прежде чем тело Клементины перестало извиваться в отчаянных попытках избежать смерти. Выждав для верности ещё несколько минут, Филипп-Анри медленно убрал подушку с лица жертвы.

– Конец, – удовлетворённо произнесла Эмильена, снимая пёрышко от подушки со щеки няни. – Долго же она сопротивлялась, я думала, провозимся до рассвета.

– И что теперь с ней делать? – брезгливо вытирая руки краем простыни, спросил барон.

– Да ничего особенного, – пожал плечами девушка. – Перенесём тело в её каморку, уложим на кровать и заботливо накроем одеялом.

Парочка, осторожно ступая по полу босыми ногами, чтобы не наделать шума, оттащила бедняжку в комнату, где она прожила столько лет, и, аккуратно надев на неё чепец и прикрыв одеялом, удалилась.

И вновь убийцы счастливо избежали заслуженной кары. Мирно лежащая в собственной постели служанка и мысли не вызвала, что является жертвой преступников. Странно, конечно, что вроде не хворавшая прежде женщина, хотя и преклонных лет, скончалась в одночасье. Но лишь Господь знает, кому и когда предстать перед Ним. Стало быть, час Клементины пробил, а с этим уже ничего не поделаешь.

Родня молодых людей с упоением продолжала готовиться к венчанию, а Эмильене оставалось лишь скрипеть зубами от злости в томительном ожидании рождения нежеланного младенца. И мучительно искать выход, как бы устроить всё тайно и оставить родственников в счастливом неведении.

Наступившая весна в этом году была ранней и щедрой на погожие дни. И хотя в лесу возле деревьев ещё чернели холмики снега, покрытого коркой грязного наста, на деревьях успели проклюнуться крошечные листья, что мигом окутали лес нежнейшей вуалью.

Эмильена так нахлёстывала свою несчастную кобылу, что даже Филипп-Анри, прослывший отличным наездником, едва поспевал за ней.

– Эми! Да подожди немного, попридержи поводья, ты несёшься словно на пожар! – крикнул он. Но девушка упрямо гнала лошадь вперёд и, только достигнув их прежнего укрытия в каштановой роще, остановилась и тяжело спрыгнула на землю, не дожидаясь помощи спутника.

– Эми, да что с тобой? Чего ради ты устроила эти скачки?

– Отстань, Филипп, – сквозь сжатые губы процедила баронесса. – Мне надо было убраться от дома как можно дальше. Этот проклятый младенец решил появиться на свет именно сегодня. Что мне ещё оставалось?

– Час от часу не легче! – бросил Лессар. – И что делать?

– Не волнуйся, ничего сложного для тебя: всего лишь посматривать вокруг, чтобы какой-нибудь разиня крестьянин не застал меня здесь. А после придушить плод нашей романтической любви, – без всякого смущения произнесла Эмильена, деловито расстилая свою накидку прямо на влажную землю.

– Хм, эти поручения – пустяк, дорогая! Лишь бы ты не начала вопить как полоумная, отделалась побыстрее, и мы не застряли в лесу дотемна.

Барон глотнул из фляги и начал расхаживать неподалёку от старого каштана, пристально глядя на видневшуюся сквозь кустарник просёлочную дорогу, изредка бросая взгляд на Эмильену. По счастью, девушка оказалась достаточно терпеливой и осторожной. До Лессара долетали лишь приглушённые стоны и отборная ругань, которая слетала с губ будущей матери. Филипп-Анри усмехнулся: бранные слова из обихода потаскушек и обитателей подозрительных кварталов вовсе не вязались с тонкими чертами и надменным взглядом эмалевых глаз баронессы Клермон. К радостному облегчению Филиппа, уже к полудню от каштана раздался жалобный писк новорождённого, и барон поспешил к подруге.

Эмильена сидела, опершись спиной о ствол и прикрыв глаза от усталости. Волосы её рассыпались по плечам и на висках совсем взмокли от пота. Возле ног лежал ребёнок, кое-как прикрытый углом накидки. Лессар с любопытством приподнял его.

– Фи! Ну и уродливы же новорождённые! Как он жалок! Словно зверюшка с содранной кожей, – скривился он. – Это мальчик или девочка?

– Хм, тебе же пришлось в голову разглядывать этого уродца, вот и узнай сам. Мне нет никакого дела до этого. Не всё ли равно, кто найдёт вечный приют в безымянной могиле? Главное, я от него избавилась, – равнодушно протянула девушка.

– Ты права, дорогая. К тому же вид у него довольно унылый. Думаю, он недолго смог бы протянуть, даже попав в руки заботливых нянь.

– Оставь, Филипп, кому интересно, выжил бы никчёмный младенец или нет? Я испытала настоящее облегчение, оттого что освободилась. Вообрази только, когда я приняла Джулиана, моё сердце было наполнено необычайной радостью. Ах, как он был прекрасен! Более красивого ребёнка я никогда не видела.

– Это уж точно, Эми. Хозяин был очарователен. Ну да ладно, хватит умильных воспоминаний, нам нужно разделаться с этим несчастным и отправляться восвояси. Чёрт возьми, девочка! У тебя все юбки в крови и вид довольно жалкий. Должно быть, ты не сможешь удержаться в седле.

– Ты предлагаешь мне идти домой пешком? – хмыкнула баронесса.

– Не язви, Эми, всего лишь дождёмся повозки или телеги. А уж по части лжи, которую наговорим твоей недалёкой мамаше, можешь не беспокоиться. Да! Нет ли у тебя платка или шали обернуть этого бедолагу? Вид его жалкого тельца вызывает во мне тошноту.

– Думаешь, я прихватила с собой свивальник³ и пуховое одеяльце? Я еле успела сбежать, мне было не до того, чтобы собирать гардероб! – раздражённо прошипела девушка.

– Ну не обернуть же его моим плащом, в конце концов?! – возмущённо воскликнул барон. Но Эмильена не успела наглубить в ответ, она вдруг напряжённо прислушалась.

– Филипп, кажется, едет возница, давай скорее, избавься от ребёнка и останови крестьянина, да шевелись, не торчать же мне на холодной земле больше часу, дожидаясь следующей повозки!

Лессар засуетился и, сорвав с шеи белоснежный шарф, расшитый серебристой вязью, морщась от отвращения, обернул крохотное тельце ребёнка.

Эмильена даже не сочла нужным проводить взглядом несчастное дитя. Она озабоченно пригладила волосы и с досадой оглядела своё платье, выпачканное землёй и кровью.

– Всё, дорогая, дело сделано, сейчас остановлю повозку, и мы отправимся домой как ни в чём не бывало, – бросил Лессар, быстрым шагом направившись к дороге.

Уже подъезжая к особняку Клермон де Винье, Эмильена тихо шепнула:

– С ним покончено?

– Всё отлично, Эми, я чудесно пристроил свёрток в ямке меж корней дерева и присыпал прошлогодней листвой. Не пройдёт и часа, как этот бедняга станет добычей лисиц или ещё какой-нибудь голодной живности. Теперь главное заговорить твою гусыню мамашу – и можно вновь зажить припеваючи. Да! Я совсем позабыл. Тебе сейчас не повредит моя настойка, девочка. Помнишь, мы отпаивали ей этого разиню Эрика, когда он вздумал отказать в любви хозяину.

– Ещё бы! – усмехнулась Эмильена, отпивая глоток из поданного бароном флакончика с янтарно-жёлтой густой жидкостью. – Помнится, тебе пришлось не единожды тратить её на Лорана. Право же, он умел разозлить хозяина на пустом месте. Если бы я не вмешалась, этот недоумок шевалье скончался бы гораздо раньше. Но в одном он был прав: твоя настойка действительно омерзительна на вкус.

– Ах, Эми, главное, она начисто снимает боль. В конце концов, это не вино, чтобы иметь приятный вкус и аромат, – рассмеялся Филипп-Анри.

Возница с удивлением обернулся и искоса взглянул на юного сеньора. Ну и странно ведут себя молодые люди из знатных семей. Его подружка едва не убилась, слетев на полном скаку с лошади, а он смеётся во весь голос, хотя у бедняжки все юбки заляпаны кровью. Уж не полумала ли она ноги или, чего доброго, рёбра? Хотя мадемуазель не причитает на всю провинцию от нестерпимой боли, а шепчется с сеньором, словно едет с увеселительной прогулки. Да уж, не зря о них судачат все кому не лень. Действительно странная парочка.

Несмотря на заверения Эмильены, что ей всего лишь достаточно умыться и хорошенько отдохнуть, старая баронесса в кои веки проявила твёрдость. И, окончив заливать слезами, она решительно высморкалась и тотчас велела привезти лекаря. Дочь напрасно пыталась делать вид, что получила лишь пару синяков. Юбки, что сняли горничные, уложив бедняжку в постель, насквозь пропитались кровью! Такими ранами не шутят! Мадам Органс вовсе не собирается потерять ещё и младшую дочку. Филипп-Анри мигом предложил свои услуги. Конечно, разве он допустит, чтобы с его невестой произошло что-то страшное? Ведь он отчасти страдает, что не опоздай на свидание, мадемуазель Эми осталась бы цела и невредима. Да-да, так прискорбно, что он задержался, заговорившись с матушкой, и подъехал, когда несчастье уже произошло. Он, бедняжка, чуть ума не лишился с горя, увидев свою ненаглядную невесту на

³ Длинная узкая полоса ткани, которой обвивают младенца поверх пелёнок.

земле всю в крови! А наглая кобыла, что сбросила всадницу, как ни в чём не бывало спокойно разгуливала поодаль. Надо срочно избавиться от эдакой своенравной лошади, ведь она не в первый раз становится причиной несчастных случаев.

Барон склонился к Эмильене, нежно прикоснувшись губами к бледной щеке.

– Филипп, – быстро шепнула она, – делай что хочешь. Но господин лекарь не должен появиться в моём доме. Иначе всё выплывет наружу.

– Моя бедная Эми, не беспокойся, я буду гнать коня что есть силы! – всплеснув руками, громко воскликнул Лессар. – Я доставлю старика мигом, лишь бы ты скорее поправилась, – и уже возле двери Филипп-Анри едва заметно подмигнул невесте.

Надо ли говорить, что несчастный доктор Компардон так и не добрался до особняка? Расстроенный и со слезами на глазах, барон Лессар вернулся с трагическим известием. Вообразить невозможно, не иначе Святые прогневались на их славный городок. Надо же было случиться такому горю! Филипп-Анри наткнулся на повозку доктора, буквально не доехав и четверти льё⁴ до места. Представьте, он застал ужасную картину: экипаж валялся в канаве вверх колёсами. Парочка крестьян силилась поднять его. Конечно, барон тотчас бросился на подмогу, но каково же было разочарование: оказать помощь в экипаже было некому. Подумайте только: и сам господин Компардон, и его возница были мертвы! Бедолаги слишком покалечились во время падения. Наверняка кучер был мертвецки пьян! Вот дрянной человечиска, и сам лишился жизни, и в придачу прихватил на тот свет достойного сеньора. Не отправиться ли за другим лекарем в Ньор⁵?

Но тут воспротивилась и сама старая баронесса. За окном уже стемнело, она не переживёт, если милый отважный мальчик, Филипп-Анри, попадёт в беду. В ночной поездке, да ещё так далеко, с ним может приключиться что угодно. Как она посмотрит в глаза несчастной Аннетте, если единственный сын пострадает в эдаком путешествии? По счастью, малютке Эмильене намного лучше. Подремав с полчаса, она с большим аппетитом поела, и с её нежного лица прошла болезненная бледность. Щёчки вновь порозовели, и бокал вина придал ей бодрости. Видимых повреждений служанки, умывавшие мадемуазель, не нашли. Должно быть, Господь проявил милость и девушке достаточно будет хорошенько выспаться под присмотром сиделки.

– Ну, если вы уверены, дорогая мадам, что милой Эми ничего не угрожает, – картинно заломив руки, воскликнул Филипп, – то с вашего позволения я хотел бы пожелать покойной ночи моей невесте и поспешить домой. Воображаю, как моя добрая матушка беспокоится, что я до сих пор не вернулся! – баронесса Ортанс со слезами умиления окинула восторженным взглядом юношу и согласно кивнула. Какой прекрасный и благородный человек достанется в мужья её дочери! Что и говорить, юный Лессар очарователен и достоин всяких похвал.

Эмильена бросила в сторону сиделки многозначительный взгляд, и та, скрывая ухмылочку, шмыгнула за дверь. Однако мадемуазель вовсе не похожа на умирающую. Должно быть, решила тайком обменяться с женихом парочкой поцелуев.

– Ну, Филипп?

– Всё прекрасно, дорогая. Тебе не о чём волноваться, доктор отправился лечить ангелочков в раю. Видишь, всё складывается как нельзя лучше: от младенца избавились и можем вновь радоваться жизни.

– Вижу, от этой радости ты успел окончательно поглупеть, самонадеянный барон Лессар? – криво улыбнулась Эмильена. – Нам следует немедленно убираться отсюда как можно быст-

⁴ Старинная французская единица измерения расстояния 1 льё = 4445 метров

⁵ Город во Франции. Расположен в красивой и плодородной равнинной местности, южнее от заболоченных бесплодных земель Нижнего Пуату

рее и дальше. Когда удастся избавиться от надоевшей родни с их глупой идеей венчания, мы сможем отдать все силы на возвращение хозяина.

– Надеюсь, ты всё обдумала, милая, и твои слова – не воспалённый бред родовой горячки, – хмыкнул барон.

– Не будь дураком, Филипп, я ничего не делаю, не подумав хорошенько. Наклонись ближе...

И тихий шёпот баронессы достиг ушей одного лишь Лессара. Любопытная сиделка, что томила за дверью, так и не смогла толком расслышать, о чём говорят сеньоры. Вскоре юный барон покинул дом своей невесты. А мадемуазель, вопреки сплетням горничных, уверявшим, что молодая хозяйка груба с прислугой, сладко улыбаясь, предложила сиделке пригубить вина. Словно раскаиваясь, что была так строптива и капризна с ней. Конечно, господское вино не идёт ни в какое сравнение с обычным сидром бедняков. Оно так чудесно льётся в горло и ласкает, точно райский напиток! Пожалуй, с таким угощением сиделка не прочь поухаживать за больной немало времени. Аромат кружил голову, и по телу разливалась сладкая истома. Не прошло и получаса, как тяжёлый сон сморил служанку, да так крепко, что она не смогла даже подняться с места, а лишь бессильно уронила голову в ногах постели Эмильены, и только её мерный храп нарушал тишину особняка Клермон де Винье.

Ночное небо заволкло тучами, надёжно запрятав мертвенно-бледную луну. Мелкий дождь нудно моросил по карнизам, навевая крепкий безмятежный сон. Никто из слуг особняка не заметил возле ограды экипаж. Миниатюрная фигура женщины, укутанная в длинный плащ с капюшоном, неслышно прошмыгнула за калитку сада.

– Филипп, – послышался тихий шёпот. – Сходи за баулом и сундучком, они возле парадного входа, мне не по силам дотащить их в карету.

– Отлично, Эми, – так же шёпотом ответил барон. – Полежай в экипаж и закутайся в меховую накидку. Я не стану возиться с тобой, если подхватишь простуду.

Через несколько минут карета неслышно отъехала от особняка и скрылась в дождливой мгле. Почти на рассвете экипаж прибыл в гавань и остановился возле скромного постоянного двора. Двое молодых людей вошли внутрь, и заспанный хозяин с удивлением уставился на гостей, слишком дорого одетых для его жалкого заведения.

– Друг мой, – бросив робкий взгляд на трактирщика, произнёс Филипп-Анри. – Будь любезен подать вина и закуски на свой выбор, мы не станем причинять беспокойства.

– Да-да, – нежным голоском подхватила его спутница, скромно потупив глазки. – Нам хватит и по кусочку сырного пирога. Мы очень спешим.

Хозяин угодливо вытер стол и суетливо начал накрывать его. Ему пришлось разбудить жену, ведь не дело поставить для таких важных сеньоров остатки вчерашнего рагу. Женщина с любопытством выглянула в полутёмный зал.

– Ой, Гюстав, какие молоденькие эти господа! Юноша, пожалуй, не старше нашего Николя. Да и девушке на вид не дашь больше семнадцати. Чего их занесло в наше заведение в такую мерзкую погоду совсем одних? С ними нет ни горничных, ни лакеев?

– Кто его знает, Маргарита, мне сдаётся, что ребяташки улизнули без спросу. Вероятно, их станут разыскивать.

– Не наострить ли тебе уши, муженёк? Уверена, за сведения об этих несмышлёнышах их богатая родня наверняка не поскупится.

Муж с женой обменялись взглядами и кивнули друг другу. Трактирщик, подав юным сеньорам блюдо картофеля, паштет и кусок сыру, принялся старательно начищать два дешёвеньких канделябра, украшавших закопчённый очаг.

Глупые господа даже не заметили его присутствия, они разговаривали громко, будто бы растеряв всякую осторожность.

– Ой, Филипп, боюсь, мы поступили слишком опрометчиво, пустившись в путешествие и не известив родных! – всплеснула руками девушка. – Вообрази, как они огорчатся, узнав, что мы натворили!

– Ах, Эми, не расстраивай меня ещё больше! – отчаянно произнёс юноша. – Я готов со стыда сгореть за свой поступок. Представь, что о нас могут подумать. Ведь мы ещё не успели обвенчаться, а уже отправились в путешествие вдвоём.

Глаза девушки наполнились слезами.

– Мне так жаль мою бедную матушку, дорогой. Хотя я и оставила письмо, но сердце моё разрывается от печали, – и юная особа захныкала, уткнувшись в платочек.

– Эми, милая! Только не плачь! Умоляю! Разве ты сомневаешься в моей любви? – пылко воскликнул юноша, прижимая руки к сердцу. – Да, должно быть, мы поступили необдуманно, но неужели наши славные матери не поймут, что нам всего лишь хотелось приключений? Клянусь, едва мы ступим на берег Британии, то немедля обвенчаемся в первой же часовне!

Ещё с добрых полчаса молодые люди спорили и сокрушались, что в глупом порыве решились на такой шаг. Раз уж так вышло, не возвращаться же теперь? Возможно, их репутация окончательно погибнет. А стало быть, явиться домой можно, только скрепив отношения брачным союзом и никак иначе. Наконец они засобирались в дорогу и, оставив хозяину щедрую плату, краснея и смущённо заикаясь, упростили его никому не говорить о своём посещении.

– Ох, Филипп! Нам надо спешить, иначе судно уйдёт без нас! – уже стоя в дверях, громко крикнула девушка.

Трактирщик поглядел вслед богатому экипажу и, весело подмигнув жене, подкинул на ладони монетки.

Но стоило карете скрыться из глаз, как возница резко хлестнул лошадей. Теперь оба спутника молча и сосредоточенно поглядывали по сторонам, не произнося ни слова. Экипаж мчался во весь дух напрямик в обратный путь. Немного не доезжая до особняка барона Лессара, беглецы остановились под сенью деревьев, и Филипп-Анри тихонько присвистнул. Из предрассветного сумрака показалась коренастая мужская фигура в шляпе с обвисшими полями. Незнакомец перекинулся парой фраз с бароном и тотчас привёл под уздцы лошадь, запряжённую в крытую повозку. Вдвоём они быстро и молча перенесли вещи из экипажа Лессара.

– Ну, Гюи, карета ваша, вот плата за труды, – шепнул Филипп. – Надеюсь, вы не станете мозолить глаза этим экипажем в Куа Тронкиле?

– Не волнуйтесь, сеньор, – хрипло пробормотал незнакомец. – Мои ребята мигом сплавят его в надёжное место.

Эмильена, что во время разговора стояла чуть поодаль, дождалась знака своего спутника и проворно юркнула в скромную повозку. Барон уселся на козлы и взмахнул хлыстом. Они ехали в полной тишине, не произнося ни единого звука. Ближе к утру, уже миновав Ньор, путники остановились в перелеске. Деловито и молча они развели костёр и, сняв с себя всю одежду, без всякого сожаления бросили её в огонь.

– Прощай, баронесса Клермон, – оскалившись, шепнула Эмильена.

– Прощай, барон Лессар, – с ухмылкой произнёс Филипп-Анри.

После оба облачились в скромное и довольно унылое одеяние и только теперь пристально взглянули друг на друга, и на их лицах заиграли победные улыбки.

– Всё как нельзя лучше, дорогая? – произнёс Лессар.

– Чисто сработано, красавчик, – усмехнулась Эмильена. – Кто этот человек, что достал повозку?

– Гюи Бутмон, скупщик краденого. Наша карета в надёжных руках, девочка.

– Отлично! Стало быть, след потерян. Воображаю, как этот недоумок трактирщик доложит, что у него останавливалась парочка юных дурачков, которые решили сбежать из дому. Наша родня щедро заплатит за его рассказни.

– Верно, милая, ведь он поклянётся на распятии, что собственными ушами слышал о поездке в Британию. Надо обладать недюжинным умом, чтобы распутать клубок лжи, который мы так славно смотали. А твои и мои родственники умом никогда не отличались, – хмыкнул барон.

Парочка тихо рассмеялась, и Эмильена поспешила в повозку, а Филипп-Анри занял место на козлах. Но прежде чем хлестнуть лошадь, он обернулся к своей спутнице и, глумливо подмигнув, произнёс:

– Ну что, в Париж, Франческа, сводня из Ньора?

– В Париж, Бруно, ростовщик из Куа Тронкиля, – в тон ему ответила девушка.

Повозка неторопливо двинулась вперёд, и только грубый вульгарный смех нарушил раннюю тишину проезжей дороги.

Молодой кюре⁶, Отец Огюст, вернулся домой далеко за полночь. Он навещал больного, что жил на самом краю деревни.

– Ну, сынок, как дела у бедняги Барденава? – ласково спросила немолодая миловидная женщина, выходя ему навстречу.

– К прискорбию, плохо, матушка, – тяжело вздохнув, ответил Огюст, присаживаясь за стол и сложив руки для молитвы. – Боюсь, он не протянет и трёх дней. Но, видно, настал его час – он прожил славную честную жизнь. А смерть в кругу заботливой семьи не так горька, как в одиночестве и забвении.

– Ты прав, сынок. К тому же Барденав-старик и его родня – хорошие люди. Должно быть, отраднo сознавать, что к уходу из земной жизни есть те, кто поплачет и помолится о тебе. И у меня сердце холодеет от мысли, что бывают ещё на свете жестокие люди, которые обрекают на мучительную гибель невинное создание, даже не попытавшись спасти бедняжку или уж, во всяком случае, похоронить как положено.

– О чём ты, мама? – удивлённо подняв брови, спросил кюре.

– Да... видишь ли, Огюст, – замывшись, произнесла женщина, присаживаясь напротив сына и сложив руки под фартуком. – Вчера ты был в отъезде, а вернувшись, поспешил к больному, и я не смогла спросить твоего совета...

– Мама, будет лучше, если ты всё расскажешь по порядку, но не думаю, что ты совершила что-то плохое, – ласково улыбнувшись, ответил Огюст Лоран, погладив женщину по плечу.

– Ах, сынок, давай я расскажу, а после ты решишь, правильно ли я поступила. Вчера я встретила малыша Луи, и он сказал, что в лесу собралось видимо-невидимо воронья. Бедняжка собирал хворост на опушке и едва не стал их жертвой. Вот я и решила навестить могилу твоего брата. Ты же помнишь, что я сажала возле неё кустик жимолости. Дай, думаю, взгляну, не повредили ли птицы мои посадки. Слава Пресвятой Деве, растения целы и невредимы. Я убрала с холмика старую листву, прочла молитву, но, как только собралась отправиться восвояси, мне послышался жалобный писк. Он шёл словно из-под земли. Сперва я решила, что птенец выпал из гнезда или крольчонок запутался в силках. Но что-то мешало мне покинуть место, не удостоверившись в этом. А когда я обошла вокруг дерева и чуть пошевелила листву у корней, едва не лишилась чувств! Поверь, сынок, до сих пор от воспоминания сердце моё готово выпрыгнуть из груди!

– Мама! – взволновано воскликнул Огюст. – Так, как ты рассказываешь, у меня самого сердце начало биться быстрее прежнего. Что ты нашла под деревом?

⁶ Во Франции, Бельгии и нек-рых других странах: католический приходской священник

– Ох... ты и вообразить не можешь, мой мальчик! Прямо на голой земле под листьями оказался новорождённый!

Кюре, округлив глаза, уставился на женщину и приоткрыл рот, не в силах произнести ни слова.

– Малютка был кое-как обернут тканью и едва дышал. Словом... прости, сынок... я принесла бедняжку в наш дом, я не могла поступить иначе.

– Мама, ты совершенно права, что сделала это! Ах, Господь милосердный, это ужасно, ужасно! Какая жестокость! Где младенец, я хочу взглянуть на несчастного!

Женщина торопливо вышла и, вернувшись в кухню, поставила на лавку корзину, высланную чистой холстиной. Огюст склонился над ней, пристально вглядываясь в крошечное личико.

– Силы небесные! Бедный ребёнок, за что его постигла такая участь? Мама, как думаешь, малыш выживет?

– Не знаю, что и сказать, сынок. Он немало времени пролежал в сырости и холоде, я не возьмусь и предположить, сколько он протянет. Конечно, я сумела искупать бедняжку и вернуть в чистое, а для тепла я положила в корзинку бутылку с горячей водой. Марион согласилась покормить подкидыша, но он так слаб, что молоко больше пролилось, чем попало в рот. Старуха Инесс уверяет, что он не доживёт и до утра.

– Знаешь, мама, в конце концов, не нам решать, сколько отпущено малышу – всё в руках Господа и Святых – мы можем лишь просить о милости. В любом случае, если наш небесный Отец заберёт мальчика к себе, его уход будет мирным, не в холодном сыром лесу, а среди заботы и молитв. Я не хочу впасть в грех осуждения того, кто проявил жестокость по отношению к невинной душе. Надеюсь, этот человек имеет оправдание своему поступку. Должно быть, мать малютки пребывала в страшном отчаянии, что и помutilo её разум.

Отец Огюст с интересом рассмотрел шарф, в который был обернут ребёнок.

– Хм, эта вещь, несомненно, очень дорого стоит. Мой несчастный брат Эрик обожал шёлковые шарфы, – задумчиво произнёс Лоран. – Мало кто может позволить себе такую покупку. Должно быть, богатый сеньор соблазнил бедную девушку и оставил, как только узнал о ребёнке. Скорее всего, она слишком молода и страх позора затуманил бедняжке голову.

– Может, ты и прав, сынок. Но эта девушка точно не из нашей деревни, – покачала головой женщина. – Я слишком хорошо всех знаю, чтобы у меня возникли сомнения.

Кюре кивнул и вновь взглянул на младенца, что дышал совсем не слышно. Лицо его было бледно, глаза закрыты. Пожалуй, несчастное дитя и впрямь долго не протянет.

Отец Огюст тяжело вздохнул и осенил крестом корзинку с ребёнком. Счастье, если несчастный малыш доживёт до утра: ласковое весеннее солнце скрасило бы последние минуты. Экая жалость, он так мал и ничего ещё не успел познать в мире, из которого так жестоко был изгнан.

В эту ночь огонь свечи горел только в скромном доме Отца Лорана. Ни ему, ни его матери Сюзанне не удалось вздремнуть даже на пару минут. Ребёнок, что прежде лежал белый, словно снег, внезапно раскраснелся. Пот так обильно выступил на крохотном личике, что женщина едва успевала промокать его платком. Дыхание мальчика стало громким, прерывистым и тяжёлым. Казалось, он с большим трудом делает каждый вздох.

– Огюст! Силы небесные, малыш задыхается! – в отчаянии воскликнула Сюзанна.

– Мама, у него сильный жар, – озадачено бросил кюре. – Его надо немедленно развернуть и обтереть душистым уксусом. Ах, бедняжка, столько мучений невинной душе за грехи его неосмотрительных родителей!

Женщина с горечью смотрела, как малыш ловит воздух широко открытым ртом, и всё его маленькое тельце содрогается от этих безуспешных попыток.

– Послушай, мама, не знаю, сколько осталось бедняжке, но считаю, его нужно немедленно окрестить. Пусть он отойдёт к Господу, как положено честному прихожанину. Я принесу что нужно для обряда.

Сюзанна только кивнула в ответ и, взяв ребёнка на руки, прижала к себе. Прикоснувшись губами к потной, пылающей от жара голове мальчика, она истоиво зашептала:

– Милосердный Отец, когда-то ты простил мой страшный грех, я готова принять на себя чужой и угодить на вечные муки в аду, только пощади эту невинную душу! Этот малыш не успел натворить ничего, за что может быть сурово наказан. Помогите ему, Господи! Пресвятая Дева, пожалей этого бедного ребёнка ради твоей извечной милости к заблудшим!

Когда Отец Огюст вернулся, лицо женщины было сплошь залито слезами.

– Он... умер?! – воскликнул священник.

– Нет, сынок, жизнь ещё теплится в нём, но... малыш угасает с каждой минутой, – сдавленно прошептала женщина.

– Послушай, мама, при крещении младенцу дают имя святого покровителя, но несчастный, видно, не успеет воспользоваться им. Как думаешь... не будет ли грехом, если мы назовём его именем моего старшего брата?

– Ах, сынок, ты священник и спрашиваешь совета у простой прихожанки, – горько покачав головой, ответила Сюзанна. – Если ты хочешь услышать моё мнение, то делай как хочешь, большего греха, чем совершила мать этого малютки, видно, уже не станет.

И вот в скромной кухне дома деревенского кюре, в дождливую ночь умирающий мальчик прошёл обряд крещения и был наречён именем Эрик.

После женщина с завидным упорством продолжала обтирать малыша душистым уксусом. До самого утра она и её сын священник по очереди носили младенца на руках, шепча молитвы, от всей души пытаясь облегчить состояние бедняжки. Если уж ему выпала такая доля, пусть его уход произойдёт как можно легче и в ласковой заботе, которой он был лишён с самого рождения.

За окном уже рассвело, когда Лоран, чья очередь настала держать мальчика, удивлённо воскликнул:

– Глазам не верю, мама, взгляни!

Женщина испуганно подошла ближе.

– Что? Что, сынок, малыш совсем затих... неужели он... – и глаза женщины вновь наполнились слезами.

– Нет же! Слава милосердию Господа и всем Святым! Он всего лишь заснул! Смотри, как ровно он дышит, лицо больше не краснеет, жара нет. Он просто спит самым обычным сном.

Осторожно, словно хрупкую вазочку, младенца уложили в корзину, и кюре вместе с матерью опустили на колени. Их лица осунулись за ночь и были серыми от усталости, но светлая радость наполнила взгляд. Они простояли на коленях больше часу, вознося молитвы и благодарности Богу и Святым покровителям.

В деревне только и разговоров было о счастливом спасении найдёныша. Видно, не зря его нашла мать кюре. Молитвы священника оказались сильнее зла, что сотворили бездушные люди, оставившие ребёнка на верную погибель. Хотя некоторые сердобольные крестьяне и изъявили желание приютить малютку, ведь он, пожалуй, принесёт счастье в дом, раз уж небеса взяли его под своё покровительство. Но Сюзанна так и не решилась расстаться с мальчиком, и маленький Эрик стал приёмным сыном молодого кюре.

Должно быть, в награду за страдание он оказался у людей, что одарили его самой щедрой любовью, какую только можно пожелать для сироты. Однако меру испытаний, выпадающих на долю человека, знает один лишь Господь. Когда малышу исполнился год, Сюзанна и Огюст Лоран с горечью поняли, что мальчик слепой. Может, он был таким от рождения. Может, жестокость его родителей или последствия греховной связи стали тому причиной –

теперь всё равно не узнать. Одно лишь стало утешением: ребёнок оказался в семье священника. Возиться с незрячим по силам лишь людям, обладающим крепким терпением. Для крестьянской семьи это настоящая обуза. Чем может слепец заработать себе на хлеб? Разве что просить подавание.

Но, несмотря на опасения Сюзанны, Эрик рос как все обычные дети и вовсе не был совсем уж беспомощным. Те, кто видел мальчика впервые и не догадывался об изъяне, отмечали милостивую внешность ребёнка. Тонкие черты лица, маленький рот и необычайно чистые глаза нежно-бирюзового цвета. В сочетании с рыжевато-каштановыми волосами и густыми ресницами такой необычный цвет глаз тотчас привлекал внимание к малышу и заставлял усомниться в его недуге. Словом, маленький приёмш не доставлял особых хлопот своим опекунам. Но кюре Огюст с досадой замечал, что у мальчика вовсе нет охоты предаваться играм и обычное детское любопытство ему не присуще. Казалось, что Эрик заранее знает, что произойдёт в том или ином случае и не нуждается в подтверждении своих знаний. В глазах священника ребёнок походил на старика, что живёт на земле так долго и удивить его попросту невозможно. Бессонными ночами Лоран утешал себя мыслями, что малыш ведёт себя странно всего лишь из-за слепоты. Может, и к лучшему, что незрячий мальчонка не пытается встать на путь исследования. Страшно подумать, сколько всего могло бы с ним приключиться. Ребятишки вечно норовят угодить в неприятности: свалиться в воду или забрести в лес, угодить под колёса повозки или прищемить руку дверью. Эрик, видно, обладает тихим и спокойным нравом, и это вполне подходит для мальчика, усыновлённого Святым Отцом.

И вскоре Сюзанна и кюре Лоран совсем перестали испытывать страх за ребёнка. Раз уж смерть обошла его стороной, стало быть, Святые охраняют его. А кто лучше них сможет защитить малыша от всякого зла?

К радости священника, к пяти годам Эрик, что рано выучился разговаривать, старательно запоминал молитвы, которым его учил приёмный отец. Аккуратно исполнял нехитрую работу, помогая Сюзанне по дому. Забавно было глядеть, как мальчик собирает миски после ужина или сосредоточенно наполняет кружки молоком, ухитряясь не пролить ни капли на стол.

В ясный летний день, когда Сюзанна отправилась за покупками в город, Огюст взял мальчонку с собой навестить могилу брата в лесу.

– Ну вот, сынок, теперь ты смиренно посидишь под деревом, пока я прочту молитву, – ласково произнёс молодой священник. – Надеюсь, ты понимаешь, что не следует никуда уходить? Ты же не хочешь заблудиться?

– Нет, папа, я никуда уйду без разрешения, – кивнул мальчик.

Огюст бережно смахнул засохшую ветку, что повисла на скромном, потемневшем от времени и непогоды кресте и, сложив руки, принялся читать молитву. Глаза его были закрыты, лёгкая грусть щемила сердце. Однако стоило ему бросить взгляд на могильный холм, как он вздрогнул от неожиданности. Прямо возле креста сидел Эрик, ощупывая землю ладошками.

– Сынок! Чего ради ты покинул своё место? Я же просил не уходить без моего ведома! – воскликнул кюре.

– Ты молишься о душе моего дяди, папа? – не обращая внимания на сказанное, спросил ребёнок.

– Дяди? Хм... с чего ты решил... – замаялся Огюст.

– Не знаю, – пожал плечами мальчик. – Я просто почувствовал это. Это могила твоего старшего брата, чьё имя я ношу, – вновь пожимая плечами, ответил Эрик.

Сердце священника отчаянно забилося.

– Ты... ты, должно быть, ходил сюда с бабушкой прежде?

– Нет. Мы ходили только к пруду и в каштановую рощу. Здесь я ещё не был, – задумчиво протянул малыш.

– Святой Бриак, отчего же ты так уверен, что это могила твоего дяди, сынок, и даже знаешь, как его звали? – озадаченно спросил Огюст.

– Просто я слышу его, папа. Он обратился ко мне тотчас, как мы пришли в это место, – спокойно ответил Эрик.

Кюре почувствовал, как капли пота выступили на его лице. Он схватил ребёнка за плечи и опустился перед ним на колени.

– Сынок... послушай... мальчик мой, то, что ты говоришь, – очень злая шутка. Добрым ребяташкам не стоит шутить такими вещами. Смерть близких причиняет страдания. И праздные разговоры об этом могут сильно ранить. Ты меня понимаешь, Эрик?

– Папа, – глядя сквозь приёмного отца своими ясными и чистыми глазами, шепнул мальчик. – Я вовсе не шучу. Но что делать, если дядя и впрямь обращается ко мне?

Огюст, стараясь держать себя в руках и не прикрикнуть на ребёнка, глубоко вздохнул и ровным голосом спросил:

– Хорошо, я верю, что ты не выдумываешь. Просто ответь, кто тебе рассказал, что ты носишь имя моего брата?

– Так дядя и сказал, – приподняв тёмные бровки, ответил Эрик. – Он очень счастлив теперь...

Глаза священника наполнились слезами.

– Ах, мой мальчик, ты и вообразить не можешь, что значат твои слова. Мой бедный брат успел немало выстрадать при жизни. Он...

– Я знаю, – вновь ровным голосом произнёс ребёнок. – Дядя сказал, что совершил много тяжких грехов, но Господь услышал твои молитвы и счёл его раскаяние искренним.

Лоран не отрываясь смотрел на мальчика. То, что он услышал, к тому же из уст шестилетнего мальчика, потрясло его до глубины души. Он не знал, что и думать. Пресвятая Дева, если он не сможет спросить совета умудрённого жизнью человека, разорванные словно ворох тряпья мысли сделают его душевно больным. И Огюст нашёл единственно правильное решение: он непременно должен известить Святого Отца Габриэля и его тайный Орден воинов Христа.

Вскоре на его полное отчаяния письмо пришёл ответ от брата Бернара. Кюре Лорана с приёмным сыном будут рады видеть в тайной обители.

Священник не решился рассказать матери о странном случае в лесу. Собравшись в дорогу, он всего лишь дал понять, что получил приглашение братьев навестить их.

Маленький Эрик, как всегда, спокойно кивнул и обнял бабушку на прощание. И, крепко взяв приёмного отца за руку, без страха и простого детского любопытства отправился вслед за ним в дорогу.

Молчаливый монах встретил путников у кромки леса. Как и в свои предыдущие посещения, Огюсту пришлось завязать глаза и, словно слепцу, пробираться вслед за провожатым, держась за его пояс. Мальчика нёс на руках монах. Когда путники сели в лодку, кюре охватили воспоминания, что вновь причинили ему нестерпимую боль. Когда-то он юным послушником с горящими от нетерпения глазами ехал на встречу с Отцом Габриэлем. Тогда он был полон надежд. И единственным желанием было распутать клубок тайны и покарать зло. Кто бы мог представить, что это зло вырвалось на свободу с помощью его родного брата! Жажда власти как ржавчина разъедала душу молодого шевалье. И, ослеплённый желанием насладиться ею, он не нашёл ничего лучше, как получить желаемое из рук дьявольского отродья. Ну и дорого же обошлась красавцу Эрику эта дружба. Даже спустя годы кюре Огюст старательно гнал от себя мысли, в пучину каких пороков успел скатиться старший брат. Погрузившись в тоскливые воспоминания, он даже не заметил, как лодка причалила к берегу. Впрочем, ехали они в тишине, и малыш успел задремать, а провожатый не отличался красноречием.

К радостному удивлению Огюста, Отец де Орли был ещё жив. Вот уж поистине чудо! Ещё лет тринадцать тому назад старик едва дышал и был так немощен, что казалось, его может поднять в воздух даже сквозняк. Он давно не мог ходить сам, и монахи заботливо носили своего настоятеля на руках, чтобы усадить в кресло главного зала часовни, выдолбленного в скале.

Прежде чем отправиться к Отцу Габриэлю, Огюст с искренней радостью обнялся с братьями, что когда-то отважно бросились в сражение со злом, стараясь не допустить гибели юного послушника и его матери. Широкое лицо брата Леона так и светилось от счастья. Алоиз весело похлопывал кюре по плечу, а Бернар желал непременно устроить его и мальчика в своей келье на ночлег.

Всё это время маленький Эрик стоял возле отца, терпеливо дожидаясь.

– Ну что, малыш, ты, пожалуй, не прочь отведать горячего супу? – добродушно пробасил Леон.

Мальчик кивнул и протянул к нему руку. Но тотчас жалобно вздохнул и прижался щекой к пустому рукаву рясы монаха, что был заткнут за пояс.

– Ну, Эрик, не пугайся, я, видишь ли, неловко сунул руку в мялку, – пробормотал Леон.

– Нет, – покачал головой малыш. – Тьма преисподней лишила вас руки, дядя.

Монахи удивлённо переглянулись.

– Эй, Огюст, надеюсь, ты не пичкал воспоминаниями такого мальчика? – озадаченно шепнул Алоиз.

– О чём вы, братья?! Я ещё не лишился ума поведать о той страшной ночи кому бы то ни было, тем более ребёнку, – быстро шепнул в ответ кюре. – Сынок, что ты бормочешь о тьме, тебе же сказали: брат Леон угодил в мялку.

Эрик упрямо сжал губы:

– Я не придумываю, папа, я просто это знаю.

Монахи не нашлись что ответить и поспешили отвести гостей в келью.

– Вот, брат Бернар, немного отстав от остальных, – тихо бросил Огюст, – собственно, из-за сынишки я решил просить совета у настоятеля. Господь милосердный, меня пугают его речи и возможность видеть то, что не ведомо другим.

– Пожалуй, ты прав, кюре из Куа Тронкиля. Должно быть, это дитя обладает даром прорицателя, а вот к добру ли эдакое умение, пусть решит Отец Габриэль.

Вскоре к Огюсту подошёл сухопарый монах и попросил следовать за ним: господин де Орли желает видеть молодого священника и его сына. Небо над лесом потемнело, тучи, что собирались ещё с полудня, окутали всё мрачным сумраком. Приближающаяся гроза лишала настоятеля сил. И кюре Лорана проводили не в зал для молитв, а в келью настоятеля.

Огюсту показалось, что старик стал совсем уж бесплотным. На узкой скромной лежанке, покрытой грубошёрстным одеялом, контуры его тела едва виднелись в полумраке комнаты. Но взгляд Отца Габриэля остался таким же пронизывающим и ясным. На морщинистом, словно засохший каштан, лице выделялся лишь острый тонкий нос.

– Как я счастлив, что вновь вижу вас, Святой Отец! – почтительно опустившись на колени возле ложа настоятеля, воскликнул кюре.

– Ах, сын мой, – тихо рассмеялся старик, – отраднo, что с годами ты не утратил умение искренне радоваться и не скрывать своих чувств. Ты всё тот же восторженный мальчик из Куа Тронкиля. Твоя душа так и осталась словно открытая книга, Огюст. Во всяком случае я не нахожу в ней тёмных страниц и тайных посланий. Хотя... твоё желание приехать в обитель продиктовано томлением, что явно тяготит твои мысли. Речь, видно, о малыше, что вы с матерью взяли под опеку?

– Вы как всегда прозорливы, Святой Отец, – шепнул в ответ кюре. – Видите ли...

– Стой, Огюст, не продолжай, – слегка приподняв ладонь, произнёс настоятель. – Надеюсь, Святые не откажут мне в милости разобраться самому, как помогали раньше. Пусть мальчик подойдёт ближе, а ты присядь возле камина и постарайся запастись терпением и не мешать мне.

– Как вам будет угодно, Святой Отец, – Лоран поцеловал руку старика и, легонько приобняв ребёнка за плечи, подвёл его к изголовью постели.

– Эрик, тебе следует поздороваться, это господин де Орли, будь умником и отвечай на все вопросы с должным уважением.

Мальчик кивнул и, подойдя вплотную к старику, протянул руку в его сторону. Старик взял своими сухими и узкими пальцами кисть ребёнка и ласково спросил:

– Ты не боишься меня, сынок?

– Нет, – покачал головой Эрик. – Не думаю, чтобы папа привёл меня к плохому человеку, где мне может что-то угрожать.

– Хм, ты прав, малыш, твой славный отец тебя очень любит. Сколько тебе лет, сын мой?

– Должно быть, шесть, господин настоятель.

– Удивительно, твоя манера говорить больше годится для более старшего возраста. Ты знаешь молитвы, Эрик?

– Да, господин. Я учу их, повторяя за отцом, знаю четыре псалма и хвалу Пресвятой Деве. Если хотите, я прочту молитву Святому Гуго, чтобы к вам вернулись силы. И хотя Господь призовет вас через три месяца, вы сможете оставшееся время провести сидя в кресле и не лежать целый день в постели.

Эта сказанная простодушным детским голосом фраза заставила Огюста, как ужаленного, вскочить на ноги. Но знак, который подал старик, удержал его от опрометчивого желания схватить ребёнка и потребовать немедленного объяснения своих слов.

– Стало быть, я предстану перед Создателем осенью? Отчего ты так в этом уверен, Эрик? – спокойно произнёс старик.

– Я просто это знаю, господин настоятель, – пожал плечами мальчик.

– Ну хорошо, не станем впадать в грех любопытства, согласен? Давай просто поговорим о чём угодно?

– Да, господин Габриэль, – просто ответил ребёнок

Настоятель и Эрик начали говорить очень тихо, а сердце кюре колотилось так громко, что он мог расслышать лишь отрывочные слова и фразы. Силы небесные, что такого в его приёмном сынишке, раз от его вскользь брошенных фраз пот выступает на висках? Неужто Господь нарочно привёл этого ребёнка в семью священника? Или это всего лишь совпадение?

Очнуться от собственных мыслей его заставил голос старика:

– Огюст, будь любезен, развороши угли, кажется, они совсем погасли.

Кюре тотчас исполнил приказание и вновь присел на низенькую скамью возле камина.

– Эрик, надеюсь, ты не откажешь мне в просьбе? – обратился настоятель к мальчику.

– Конечно, Святой Отец.

– Принеси мне уголёк для грелки.

Ребёнок с готовностью и, как всегда, выставив вперёд руку, пошёл точно к указанному месту. Он спокойно добрался до камина и, к ужасу приёмного отца, не успевшего и глазом моргнуть, вытащил краснеющий от жара уголёк и, даже не вскрикнув от боли, отнёс его к постели настоятеля. Лицо Лорана исказилось отчаянием – он бросился вслед за ребёнком и вновь его остановил жест настоятеля, молча поднявшего руку. В прозрачных глазах его сверкнула решимость, и молодой священник остался на месте, судорожно вздохнув и пытаясь унять дрожь в ногах.

Тем временем Эрик продолжал спокойно держать горячий уголёк в раскрытой ладошке.

– Отлично, сынок, а теперь мы попросим твоего отца бросить его в грелку, – прошелестел старик.

Огюст выхватил ношу из рук сына и тут же невольно вскрикнул, едва не выронив уголь на пол. Сжав зубы от боли, он быстро бросил его в грелку и попытался незаметно потрясти обожжённой рукой, чтобы унять боль.

– Покажи мне свою ладонь, кюре, – отрывисто бросил Отец Габриэль.

Лоран молча протянул руку – на ладони пылало багровое пятно ожога.

– А теперь взгляни на руку своего сына, Огюст.

Молодой кюре медленно разжал кулак ребёнка. Его ладошка была ровной и белой, словно мальчик не держал в ней обжигающий кожу уголёк

– Я... я не могу понять... к чему вы клоните... Святой Отец... – пробормотал кюре.

– Мы поговорим наедине, сын мой, – тихо произнёс настоятель. – За дверью ждёт брат Алоиз. Проводи мальчика к нему, малышу пора спать. Ты ведь наверняка устал, дорогой мой? – обратился он к ребёнку

– Да, – кивнул Эрик.

– Ну вот и отлично, благослови тебя Господь, малыш. Завтра мы сможем вновь поговорить.

– Хорошо, господин, – так же ровно ответил малыш и, прикоснувшись губами к руке старика, направился прочь, ощупывая руками стену.

Лоран в нерешительности прошёлся из угла в угол скромной кельи, морщась от боли в руке.

– Сын мой, – послышался тихий голос настоятеля. – В нише возле камина стоит склянка с мазью, возьми её. Это снадобье приготовлено с молитвой и избавит тебя от боли. Ты молод, надеюсь, целебная мазь сумеет избавить твою кожу от последствий ожога.

Кюре почтительно кивнул и старательно последовал совету старика. Он нарочито медленно наносил густую и вязкую, словно сироп, мазь. Его страшил предстоящий разговор. И Огюст наивно как мог отодвигал его. Но совесть не позволила ему испытывать терпение настоятеля и заставлять ждать немощного старика. Вздохнув, он присел на край постели Отца Габриэля и, осенив себя крестом, приготовился слушать.

– Сын мой, должно быть, я разочарую тебя, но сейчас я вовсе не готов прямо ответить на вопросы, – медленно произнёс старик. – Тебе придётся ещё немного запастись терпением, я должен ещё кое-что проверить. Одно могу сказать с прямоотой и достоверностью: твой приёмный сын не принадлежит к миру людей, да... простых людей из крови и плоти.

– Святой Отец! – крикнул кюре, вскакивая на ноги.

– Тише, мой мальчик, ты слишком возбуждён и сейчас можешь наговорить лишнего, да к тому же воспалённый разум мешает правильно слушать и понимать других. Если дитя не принадлежит к нашему миру – вовсе не означает, что он посланник тьмы. Пока мы этого не знаем наверняка, дождись завтрашнего дня, Огюст. А теперь отправляйся спать. Я непременно помолюсь о тебе и мальчике.

– Прошу извинить мою вспыльчивость, Отец Габриэль, – опустив глаза, пробормотал кюре. – Я смиренно стану дожидаться вашего вердикта.

Он почтительно поцеловал сухонькую руку настоятеля и направился прочь, но уже в дверях Лоран внезапно обернулся:

– Святой Отец, я полностью доверяю вашему слову, но... Словом, кем бы ни оказался мой несчастный сын, я ничего не сделаю во вред ему, даже если мне придётся оставить службу. И охотно обменяю свою жизнь на его.

– Ах, Огюст, Огюст, – слабая улыбка растянула тонкие губы старика. – Столько лет минуло, а ты остался простодушным послушником по прозвищу «маленький викарий». Что у тебя за страсть вечно становиться орудием искупления чужих грехов? Помнится, много лет

назад ты так же отчаянно боролся за спасение своей грешной матери, а после взвалил на себя ношу отмаливать душу порочного брата. Твоё рвение похвально, но ты рискуешь впасть в гордыню, кичась своей самоотверженностью. Помни, даже благие поступки могут свергнуть человека в пучину порока, если он возомнит себя спасителем заблудших. Подумай об этом перед сном и помолись всем Святым, чтобы твои благие помыслы не стали началом пути к пороку.

Молодой священник только кивнул и, поклонившись, закрыл за собой дверь.

Следующий день в обители стал для кюре Лорана ещё более мучительным. Алоиз увёл мальчика к настоятелю, и Огюсту не оставалось ничего, как смиренно ждать. Вместе с Бернаром и Леоном он отчаянно молился и так долго стоял на коленях в часовне, что братья шёпотом сокрушались, не упал бы бедняга от голода и жажды. За весь день он не выпил ни глотка воды. Но священник даже не заметил, что последний раз ел день назад. Он ничего не чувствовал, кроме отчаяния и страха за маленького сына. Право же, когда ребёнок умирал, ему было не так страшно, как теперь. Тогда он понимал, что малыша ждёт удел ангела и вечная жизнь. А то, о чём говорил настоятель, гораздо страшнее смерти! Огюст так погрузился в молитвы и свои тяжёлые мысли, что очнулся, лишь почувствовав, как маленькая рука Эрика опустилась на его плечо.

– Папа, ты думаешь обо мне? – прозвучал его голос.

– Сынок! Слава Пресвятой Деве! Ты вообразить не можешь, как я соскучился! – воскликнул кюре, прижимая мальчика к себе.

– Папа, ты плачешь? – шепнул Эрик, проведя ладонями по лицу священника. – Не надо, со мной всё хорошо, господин настоятель был очень добр со мной. Он просил, чтобы ты навещал его, а после мы сможем вернуться домой.

– Да-да, конечно, сынок. Я тотчас пойду к Отцу Габриэлю, – пробормотал Огюст.

Всю обратную дорогу молодой кюре пытался как следует осмыслить слова старика де Орли. Услышанное требовало времени, дабы привести мысли в порядок. По словам настоятеля, в жилах одного из родителей мальчика, или обоих разом, течёт кровь мертвецов. В таком случае сомневаться в их принадлежности к миру тьмы не приходится. Но, по счастью, сам ребёнок не порождение преисподней, он всего лишь проводник между двумя враждующими мирами. Это могут засвидетельствовать и отец де Орли, и два монаха экзорциста⁷. Печать Христа, приложенная к телу ребёнка, не вызвала у него ни боли, ни ожога. Отметин демонов на его коже монахи также не обнаружили. Стало быть, причинить зло сам Эрик не может, но поводёр в мир тьмы обречён на выбор. Он может принять сторону людей, равно как принять сторону посланников ада. А предсказать это не возьмётся даже Отец Габриэль. Огюсту остаётся лишь всеми силами охранять ребёнка от встречи с миром тьмы да молить Господа о защите. Самое лучшее – отдать малыша в монастырь и ограничиться лишь тем, чтобы навещать мальчика. Как ни прискорбно, но такое дитя появилось на свет не само по себе. И кто поручится, что его родители – несомненно, посланники ада – не встретятся на пути?

Немало дней и ночей Лоран провёл в тяжких раздумьях и отчаянных молитвах. Лицо его осунулось, побледнело, под глазами залегли тени. Но однажды утром, выходя после мессы из часовни, Отец Лоран внезапно ощутил стойкую уверенность, что не расстанется с приёмным сыном, что бы ни произошло. А если понадобится, то сумеет защитить его. Ах, Святой Бенедикт, не об этом ли говорил настоятель? И не приведёт ли его благой порыв на путь гордыни, а следовательно, и самонадеянности, что дорого обходится любому, кто пренебрегает осторожностью?

⁷ Экзорцизм (exorcism, греч. ἐξορκισμός) («запрещение бесам») – действия, направленные на изгнание бесов или других духовных существ из человека, путем молитв и специальных ритуалов.

Мягкие сумерки окутывали квартал дю Марэ⁸, последние лучи заходящего солнца выгодно подсвечивали крыши богатых особняков. Тишину улиц нарушали лишь скрип колёс роскошных экипажей да нежный шелест листвы. Вокруг всё дышало спокойствием, царящим в кварталах знати. Множество слуг с утра и до поздней ночи трудилось, дабы устроить жизнь своих сеньоров как можно удобнее и безмятежнее. Ничего не должно омрачать взгляд господ, покидающих свои дома или попросту бросивших взгляд в окно. И тем более казалась странной фигура женщины, укутанная в скромную накидку из полушерстянки. Лакеи, празднично стоящие возле ворот и поджидавшие хозяев, что засиделись в гостях, с удивлением следили за незнакомкой, что быстрым шагом шла вдоль ограды. Однако простолюдины достаточно обнаглели! У прониры, спешащей по улице, такой вид, словно она вышла из особняка вовсе не с чёрного хода для прислуги. К тому же в руках её нет корзины, стало быть, это не прачка и не цветочница.

Тем временем порыв ветра сдул с головы женщины капюшон, который она торопливо накинула вновь. Этого хватило, чтобы один из лакеев присвистнул:

– Ба! Да это же сводня Франческа! Точно! Я мигом признал её.

– И впрямь, Аллен, это она. Вот нахалка! Верно, идёт от сеньора виконта. Говорят, он не брезгует услугами этой женщины. Святая Катарина, в его-то годы общаться с потаскушками!

– А почём ты знаешь, может, ему приглянулась сама мадам сводня? – рассмеялся его собеседник. – Она весьма недурна и не походит на мерзких старух, что обычно занимаются подобным ремеслом.

– Сомневаюсь: эта паршивка, по слухам, жадна до крайности. Ей гораздо выгодней затаскивать в омут порока несчастных голодных девчонок. При этом она успевает требовать щедрую сумму с какого-нибудь сластолюбца. А бедняжкам, что услаждали гостя, достаётся не больше десяти су⁹ и парочка оплеух за непослушание.

Женщина успела скрыться из виду, а лакеи продолжали неторопливую беседу, припоминая, кто из жителей квартала дю Марэ пользуется услугами сводни.

Меж тем Франческа, шмыгнув за угол, юркнула в поджидавшую её скромную повозку и покинула чистые нарядные кварталы. Через полчаса экипаж с трудом продвигался по грязным бедным улочкам, утопая колёсами в нечистотах по самые спицы. Даже не поморщившись, бывшая баронесса Клермон де Винье вышла из жалкой повозки и, подхватив юбки повыше, скрылась за обшарпанной дверью грязного островерхого дома, что жался к таким же убогим строениям, словно подпирающие друг друга калеки.

– Бруно! – сердито крикнула она, оказавшись в крошечной темноте сырой убогой гостиной.

Наверху лестницы показался огонёк свечи, и мужской голос насмешливо произнёс:

– В чём дело, дорогая? Слуги вновь позабыли усыпать твой путь лепестками фиалок?

– Не зли меня больше чем есть! Спускайся, хочешь, чтобы я свернула себе шею в потёмках?

Мужчина неторопливо сошёл по скрипучей лестнице и, приподняв свечу, хмыкнул:

– А ты и впрямь кипишь от злости, милая, что приключилось в этот раз?

– Ах, Бруно, с каким наслаждением я расцарапала бы твою надменную рожу! – в сердцах воскликнула женщина. – По твоей милости виконт устроил мне скандал и, конечно, не заплатил!

– Остынь, красавица, при чём здесь я?

⁸ Квартал, населенный богатыми аристократами.

⁹ Старинное простонародное обозначение французской монеты

– Ты совсем выжил из ума, паршивый развратник! Виконт хотел невинную девушку, а эта жалкая дрянь Селестина его разочаровала. Что за дурацкая прихоть портить товар до продажи, Бруно?

– Да с чего ты взяла, что это я? Вот дурочка! Я попросту отвёз её к графу Гровель де Соваж. Твоему старикашке пора уже уgomониться и благодарить, что его слюнявых поцелуев хватит хотя бы на кого-то. Вот ещё нежности! Да он не в состоянии и глазки соорудить, не то что...

– Ты... ты перепродал её за моей спиной втайне от меня?! – зловещим шёпотом бросила Франческа, с размаху отвесив мужу пощёчину

– Вот дрянь! – рявкнул Бруно, возвращая женщине оплеуху, от которой она отлетела к стене.

Лицо Франчески исказилось ненавистью, и супруг еле успел перехватить её руку и увернуться от острых ногтей, что грозили выцарапать ему глаза.

– Успокойся, всё... уgomонись, эта жалкая потаскушка не стоит нашей ссоры. Если ты пришла в себя и готова слушать, то после станешь благодарить меня.

– Ну, попробуй, – криво усмехнулась женщина.

– Слушай, я действительно уступил эту несчастную графу и притом назвал довольно скромную цену. Но сделал это вовсе не из христианского милосердия. Гровель вхож к Клотильде и является неперменным участником её чёрных месс¹⁰. Ты не хуже меня знаешь, как безуспешно мы пытаемся туда проникнуть. Мне стоило немало труда отыскать хотя бы такой выход. По счастью, граф обожает невинных девиц, а Париж не тот город, где можно с лёгкостью отыскать подобных. И теперь он обещал замолвить за нас словечко перед помощником Клотильды, беглым монахом Шартье. Вообрази только, на этих мессах частенько присутствуют особы королевской крови, и тайна их посещения надёжно хранится самой Клотильдой и её приспешниками. Неужели потеря денег и ворчание старого осла виконта стоят того, чтобы вновь искать лазейки?

Франческа отстранилась от мужа и внимательно посмотрела ему прямо в глаза. Да, пожалуй, он говорит правду. Холодный взгляд светлых глаз Бруно был серьёзен, и теперь в нём не было всегдашнего насмешливого презрения.

– Послушай, дорогая, – продолжил он. – В конце концов, ты сама ежедневно сокрушаешься, что Джулиан до сих пор не с нами. Мы пытались вернуть его, живя в нашем жалком городишке, и не оставили попыток до сих пор. Хотя прошло более шести лет нашего пребывания в Париже. Неужели теперь, когда шансы на победу возросли, мы малодушно их упустим?

– Хм, ты прав, Бруно, наши попытки вечно терпят провал и, сказать откровенно, я готова на всё, чтобы вызволить хозяина. Но если Клотильда достаточно сильна в общении с миром тьмы, отчего у неё тоже ничего не выходит?

– У мадам Великой Ведьмы попросту нет доски с отпечатками ладоней, милая, – ухмыльнулся Бруно. – К тому же Клотильда мнит себя слугой демонов, но больше озабочена деньгами за услуги жалкой ведуньи из убогой деревушки. Господа ходят на её колдовские обряды в надежде вызвать любовь, извести соперницу, уморить богатого дядюшку из-за наследства, получить должность при дворе, сорвать большой куш в карты. Этот примитивный набор трюков сроду не откроет врата преисподней.

– Но мы же смогли!

– Не забывай, Франческа, у нас был тот, кто помог, были книги, амулеты и всё такое. И если помнишь, паршивые святоши развели нешуточный костёр, чтобы это сжечь. Мало кто решится держать в своём доме подобное, не рискуя свободой и собственной жизнью. Эта безмозглая курица Клотильда имеет слишком солидных покровителей при дворе, оттого-то у неё

¹⁰ Чёрная месса – сатанистский обряд, антипод христианской литургии

и собрано довольно много нужных вещей, добрую часть которых бедняжка даже не знает, как использовать.

Франческа молча прошла по унылой грязной комнатёнке и, остановившись напротив мужа, решительно вскинула голову:

– Ну что ж, согласна, ты действительно нашёл прекрасную лазейку. Осталось лишь добраться до логова Клотильды, и Джулиан будет на свободе. Даже если придётся отправить за ним в ад всю свору этих недоумков.

– Ах, дорогая, ты просто очаровательна, когда твои глаза сверкают решимостью. Пожалуйста, я не прочь подняться в спальню и развлечься немного.

– Ну если ты решил повеселиться, Бруно, отчего бы и нет, – вульгарно усмехнулась женщина. – Не пойму только, с каких пор ты стал так изыскан, что непременно нуждаешься в наличии постели?

– Действительно, стоит ли тратить время и подниматься по лестнице, – рассмеялся он. – Иди ко мне, девочка...

Затхлый запах грязного убогого жилья вовсе не вызывал отвращения у этой пары. Да, впрочем, их любовные утехи никогда не были настолько романтическими, чтобы обращать внимание на такие мелочи, как омерзительная вонь или заляпанная подозрительными пятнами облезлая мебель.

Должно быть, родня этих отпетых людей пришла бы в неописуемый ужас, узнав, где проживают их сбежавшие отпрыски. Более отвратительного места трудно было вообразить. В этом нищем квартале на задворках большого и величественного города, казалось, собрались все отбросы. Даже небогатые люди, что честно занимались ремеслом или служили в господских домах, брезговали селиться в этом Богом забытом месте. Тут проживали мелкие воришки, прятались громилы, что подстерегают запоздавших прохожих, потаскушки и сводни, скупщики краденого, торговцы дрянным товаром, попрошайки и мошенники всех мастей. Ни один порядочный горожанин не сунул бы нос в эдакое славное местечко. Конечно, гвардейцы и полиция не слишком охотно навевывались сюда. На вонючих улочках даже в холода не исчезал отвратительный запах прокисшей еды и грязного тряпья. Отбросы и нечистоты толстым слоем покрывали плохо мощёную мостовую. Казалось, даже солнце не торопится заглянуть в кварталы отверженных. И повсеместно царил серая мгла и сырость, от которой стены обшарпанных домов покрывались пятнами плесени. В этой проклятой стороне люди рождались, владели жалкое существование, и если повезёт, то достигали преклонных лет. Улочки кишмя кишели сопливыми худыми ребятишками, слонявшимися без всякого надзора и должного ухода. Многие по недосмотру не успевали дожить и до трёх лет. Дети постарше планомерно пополняли ряды воров и попрошаек, девочки попадали в лапы сводниц, что с нетерпением жаждали набить свои кошельки продажей живого товара. Франческа и Бруно, чьи сундуки ломились от драгоценностей и золотых луидоров, которые парочка предусмотрительно прихватила, отправившись в бега, намеренно выбрали столь неприглядный квартал. Уж слишком им хотелось затеряться, а жизнь в свете грозила случайной встречей и разоблачением. А здесь никому бы и в голову не пришло, что жильцы убогого дома владеют весьма солидным состоянием. Франческа с упоением занялась старым ремеслом, а Бруно развлекался тем, что давал займы бедолагам, которых сам же ловко обманывал при игре в карты. Должники вынуждены были возвращать деньги с процентами. За несколько лет он успел дочиста разорить достаточно лавочников и мелких служак. Но главное дело, ради которого эта пара терпела вонь и грязь нищих кварталов, никак не складывалось. Оба точно знали, что в городе есть сборища поклонников мира тьмы, но им отчаянно не везло. Кардинал и Его Святейшество Епископ Парижский были настроены весьма решительно. И стоило поступить очередному доносу – заподозренных в колдовстве и чародействе ждала страшная участь. Ростовщик и сводня проклинали время,

потраченное впустую, но от проклятий вряд ли бывает толк. И вот, спустя шесть лет, в их чёрных душах наконец сверкнул отблеск надежды.

Тёмной безлунной ночью в их жалкое убежище постучался незнакомец. Открыв дверь, Бруно увидел перед собой человека, чьё лицо до самых глаз было скрыто платком. Широкие поля шляпы низко свисали.

– Господин Ганьон? – глухо спросил гость.

– К вашим услугам, – шепнул в ответ Бруно.

– Я за вами, сеньор граф ждёт вас и мадам в экипаже.

Ростовщик только кивнул и прищёлкнул пальцами, из мрака комнаты тотчас появилась Франческа, укутанная в длинную накидку. Оба они молча проследовали за провожатым и серыми тенями юркнули в стоящую в проулке крытую повозку. Ночной гость уселся на козлы и взмахнул хлыстом. В глубине экипажа, когда глаза чуть пообвыклись во тьме, сводня заметила грузную фигуру графа Гровеля де Соваж, так же как и они укрытого широким плащом с низко надвинутым капюшоном. В полном молчании троица проехала с добрых полчаса. Наконец, граф словно очнувшись, произнёс.

– Я поручился за вас, господа, но наше собрание требует сохранить всё в тайне. Будьте любезны надеть повязки, это не слишком удобно, но зато безопасно для нас.

– Конечно, сеньор, – сладко проговорила Франческа и, взяв из рук Гровеля полоску чёрной ткани, томно обратилась к мужу: – Бруно, будь любезен, помоги мне, моя причёска слишком пышная, одна я не справлюсь.

– Конечно, дорогая, – нежно ответил он и, опустив голову, ухмыльнулся.

Когда троица покинула экипаж, ростовщик почувствовал запах влажной земли и травы. И мигом смекнул, что они прибыли на окраину города. Слуга графа двинулся вперёд, поддерживая ростовщика под руку, а Франческа, всем своим видом изображая беспомощность, повисла на Гровеле. Через некоторое время они остановились, и слуга издал протяжный свист. Затем Бруно услышал скрип дверных петель. Теперь ночная прохлада сменилась ощущением сырости, вдалеке раздавался монотонный звук падающих на камни капель. И когда гостям позволили снять повязки, он даже не удивился, обнаружив, что находится в подземелье – из тех, что ещё сохранились в заброшенных старинных домах. Сводня с фальшивым удивлением оглядывалась вокруг. Граф и слуга двинулись вперёд, освещая дорогу простым фонарём, где еле горел масляный светильник. Наконец длинный коридор окончился входом в небольшой зал. Кирпичная кладка стен сильно пострадала от времени, прежде изящные колонны, подпиравшие своды зала, покрылись тёмными пятнами от сырости. Зал был совершенно пуст, если не считать огромного стола чёрного дерева, что возвышался посередине, да торчащих повсюду канделябров из латуни с горящими чёрными свечами. Пол и стены были испещрены знаками и символами, что, видно, по мнению хозяев, должно было указывать на тайну и магическую силу. Франческа и Бруно быстро переглянулись, скрывая ухмылки. Зал постепенно начал заполняться людьми. Мужчины и женщины разного возраста были одеты в одинаковые чёрные накидки, подбитые ярко-алым шёлком. Сводня и её супруг даже не заметили, когда им на плечи кто-то услужливо накинул такие же плащи. Вошедшие вовсе не разговаривали друг с другом, они напряжённо замерли, глядя в нишу, что находилась позади стола. Внезапно послышалась заунывная музыка, кирпичная стена с неприятным лязгом выдвинулась вперёд, и из образовавшегося проёма появился моложавый тощий монах с глазами отъявленного лгуна, в истрёпанной рясе, подвязанной простой верёвкой. Он вышел на середину зала и загробным глухим голосом произнёс:

– Падите ниц перед повелительницей тьмы, дети ада! Госпожа Клотильда! Великая Ведьма и наперсница Люцифера!

Стоявшие разом грохнулись на колени и замерли в почтительном ожидании. В проёме под продолжающуюся литься мелодию, от которой хотелось выть со скуки, возникла дама в

летах с сильно подведёнными глазами и пунцовыми губами. Её чёрные с накладными буклями волосы топорщились во все стороны, на поблёкшей шее красовался бархатный ошейник, украшенный крошечными рубинами. Тёмный атлас платья шуршал при каждом движении, а прозрачная вуаль – так же чёрного цвета – волочилась за ней по полу, словно змеиный хвост.

Клотильда обвела взглядом склонившихся людей и удовлетворённо вскинула голову:

– Дети тьмы и верные слуги Люцифера, единственного почитаемого нами владыки, прославим хозяина во веки вечные!

Далее началось действие, что едва не заставило Бруно и Франческу корчиться от смеха. Весь антураж происходящего в их глазах больше напоминал представление плохоньких актёров на рыночной площади. Это был поистине сборник всех шаблонов, что используют домопощенные колдуны для выманивания денег у наивных простаков. В ход пошли и кровь чёрного петуха, и философский камень, что превращал любой металл в золото, и хоровод вокруг стола, на котором была распята юная девица, что готовилась к посвящению в ряды служителей тьмы. Под завывание своих прихожан Клотильда капала на живот девушки кровь убиенного петуха, осеняла её перевёрнутым распятием и выкрикивала совершенный сумбур, состоящий из латинских слов. Ростовщик и его супруга едва успевали сжать губы, чтобы не расхохотаться в голос при каждом обряде. В их глазах мадам Великая Ведьма напоминала дурачка, что, получив в подарок фарфоровую статуэтку, пытается колоть ей орехи. Они давно успели заметить книгу «Врата преисподней», которой лишились при аресте. Франческа аж скрипнула зубами от досады. Во всём свете всего три таких книги! И надо же чтобы такой важный фолиант оказался в руках безмозглой курицы! Бруно зеленел от желания выхватить вожаделенную книгу прямо сейчас. Но, вдохнув глубже, сжал руки в кулаки и продолжал вместе со всеми бессмысленно топтаться вокруг стола.

Наконец Клотильда остановила представление, и все присели в ожидании личного приёма ведьмы прямо на пол. Она торжественно удалилась за ширму чёрного бархата, и монах вместе с огромным детиной свирепого вида встали возле неё как стражники. Служанка, художочная девушка с жёлто-бледной кожей, подходила к каждому по очереди и, шёпотом назвав его имя, приглашала пройти за ширму.

Теперь очередь дошла до Франчески. Оказавшись наедине с Клотильдой, она с фальшивой покорностью присела в реверансе и, придав голосу почтительную робость, шепнула:

– Ах, мадам, я счастлива, что вы позволили нам прикоснуться к миру тьмы. Мы с мужем трепещем от счастья, что видим Великую Ведьму!

Ну, по части морочить голову сводню из Ньора учить не требовалось. И за несколько минут Клотильда успела раздуться от важности и благосклонно сообщить, что мадам Франческа с супругом вскорости могут быть приняты в тайное общество слуг Люцифера. А следовательно, могут рассчитывать на его помощь и поддержку. Так же было обещано – за весьма нескромную плату – избавить семью мадам от надоевшего скупердя дядюшки, что существовал лишь в воображении, и стать обладателями наследства. Сводня с подобострастием протянула ведьме увесистый кошель, заманчиво позвякивавший монетами.

Вернувшись домой, Бруно и его супруга битый час глумились над увиденным, язвительно передразнивая жалкое представление. Но внезапно их охватила настоящая ярость. Проклятье, вот уж поистине дуракам удача падает прямо с неба. И наконец, выплеснув гнев, от души проклиная паршивку Клотильду, супруги решили действовать немедленно. Они поставили свечу на пол и принялись обсуждать свой план. И почти на рассвете оба удовлетворённо потёрли руки и обменялись долгим поцелуем.

– Знаешь, Бруно, когда Джулиан будет с нами, я непременно приволоку эту гусыню Клотильду за волосы, чтобы она наконец увидела, что значит служить Люциферу.

– Не думаю, что хозяину будет интересно, дорогая. Эта несчастная вовсе не в его вкусе, – протянул муж. – Уверен, он вдоволь посмеётся, когда мы расскажем ему о сегодняшнем бала-

гане. Хотя все, кто там был сегодня и ищет помощи посланника ада, его заинтересуют. Они все порочны, как и их желания. А Джулиан обожает пороки.

– Обожает? Да, мой дорогой мальчик, мой Джулиан и есть порок, – нежно пробормотала Франческа.

– За возвращение герцога ди Анджело! – громким шёпотом воскликнул Бруно, наливая в бокал вино.

– За возвращение Джулиана! – с горящими глазами подхватила Франческа.

Уже на следующий день пара преспокойно оказалась возле заброшенного дома, где под покровом ночи собирались отступники. Полоска ткани на глазах Франчески, ловко повязанная Бруно, оставила женщине прекрасный обзор пути, по которому их привезли в прошлый раз. Укрывшись за кустами, они терпеливо просидели до рассвета, не сводя глаз с дверцы в подzemелье. Теперь они знали, что существует тайный пароль, по которому дверь отворяла служанка, и в придачу успели подметить, куда направился монах Шартье после окончания мессы. Ростовщику удалось незаметно проследовать за ним до самого логова. И днём бедолага монах, что устроился вздремнуть после бессонной ночи, был грубо разбужен и ощутил мерзкий холод кинжала, приставленного к горлу.

Растерявшись от неожиданности, он не успел даже вскрикнуть, когда верёвка сдавила его запястья и, впиваясь в кожу, накрепко прикрутила его к собственной постели.

Растянув губы в хищной улыбке, Франческа склонилась к самому лицу Шартье и шепнула:

– Не желает ли господин монах немного развлечься? Всего лишь самую малость. Поверьте на слово, вы будете в восторге, я знаю толк в подобных играх.

Шартье не смог ответить: во рту его намертво застрял грязный платок, который не давал и языком пошевелить.

– Не отказывайтесь, друг мой, – ухмыльнулся Бруно. – Моя славная супруга действительно мастерица по этой части. Останетесь довольны, правда, если дотянете до полуночи. Франческа иногда слишком увлекается, и вы можете изойти кровью до того, как волны наслаждения унесут вас в небо.

Монах лишь таращил глаза и мычал, он никак не мог сообразить, чего хотят от него эти двое незнакомцев. Бедняга не узнал в них посетителей мессы и отчаянно старался понять, с чего они явились именно к нему.

– Ну, мой славный монашек, ты готов рассказать то, что мы хотим услышать? – нежно спросила Франческа.

Бруно рывком выдернул кляп изо рта Шартье.

– Вы, должно быть, спутали меня с кем-то другим, – просипел монах. – У меня нет денег! Если вы воры, то, верно, ошиблись адресом.

– Смотри, дорогая, оказывается, брат монах склонен ко лжи, – хмыкнул ростовщик. – Кто тебе поверит, паршивый жалкий прислужник, что эта дура Клотильда мало платит своим приспешникам?

– Сеньор, хоть я и не ведаю никакой женщины с таким именем, но я вспомнил, что в тайнике под кроватью у меня есть немного серебра – скопил за много лет, – вновь просипел Шартье, безнадежно пытаясь пошевелить руками.

– Ах! Как прискорбно слушать ложь из уст монаха, хотя бы и беглого, – улыбнулась Франческа. – Знаешь, папочка, сколько экю и луидоров ты припрятал в своей норе, нас не интересует. Тебе нужно лишь назвать условные слова, чтобы служанка отворила дверь в месте ваших глупых собраний.

Монах старательно придал лицу удивление и с добрых пять минут доказывал, что вовсе не знает, о чём разговор.

– Мне наскучило твоё упрямство и твоя ложь, придётся слегка проучить за враньё, – с ласковой улыбкой бросил Бруно и, грубо сжав пальцами лицо Шартье, вновь вставил кляп. Брезгливо оттерев руку о простыню, он кивнул жене и, присев на стул, достал трубку и с удовольствием закурил, поглядывая на пленника.

По милovidному лицу Франческа промелькнула гримаска сладострастия. Не отрывая взгляда от испуганных глаз жертвы, она разрезала материю рясы до живота. Лезвие кинжала плавно прочертило кровавую полосу на груди несчастного. Монах попытался дёрнуться и громко замычал.

– Вот видишь, папочка, ты уже ощутил наслаждение, бьюсь об заклад, умираешь от сладкой истомы. Вообразить не можешь, какое удовольствие ждёт тебя впереди, когда кинжал мягко войдёт меж рёбер. Не бойся, мой славный, он не достанет до твоего лживого сердца, но причинит немало страданий.

Бедняга тарашил глаза, наполненные ужасом и болью. Все попытки выплюнуть кляп оказались безуспешными. А женщина, продолжая шептать бархатным голосом и улыбаясь, методично водила кинжалом по его груди, оставляя порезы, из которых сочилась кровь.

– Дорогая, – лениво произнёс ростовщик. – Возможно, наш друг желает передохнуть от ласк и готов ответить.

Но стоило вытащить кляп, как Шартье попытался истошно завопить, призывая на помощь. Бруно зажал ему рот рукой и, наклонившись, шепнул:

– Не будь дураком, монашек, мы позаботились о том, чтобы тебя не услышали. Давай, выкладывай, что нужно, пока моя супруга не обезумела от страсти и не перерезала тебе горло. Так какие условные слова надо сказать на входе?

– Сеньор! – отчаянно воскликнул монах, – я и впрямь не пойму, о чём вы! Отроду не знал тайных слов и паролей.

– Вот осёл, – ничуть не разозлившись, протянул ростовщик. – Пожалуй, он действительно получает удовольствие от твоих ласк, милая. Ну что ж, мы люди не злые, отчего бы не услужить славному человеку.

Франческа с готовностью вновь вооружилась орудием пытки и, приставив лезвие к животу бедняги, медленно повела его вниз.

– Глупенький упрямец, – проворковала она. – Ты можешь отказаться отвечать, это твоё право. Но сейчас я полосну кинжалом по одному тайному местечку, и ты мигом станешь на путь безгрешного благочестия. Любовные желания больше не станут томить тело, а стало быть, грех похоти тебя минует. Это будет весьма добродетельный поступок, вообрази, как чудесна жизнь без томления плоти.

С ужасом ощутив холодное прикосновение стали внизу живота, мужчина попытался дёрнуться всем телом, умоляюще глядя на Бруно. Из его расширившихся глаз градом катились слёзы, лицо побелело, мычание стало громче.

Франческа обменялась с мужем взглядом и удовлетворённо хмыкнула.

Спустя четверть часа парочка направилась к тайному дому ведьмы.

– Ты была очаровательна, моя дорогая, – подмигнул Бруно.

– Конечно, меня ужасно возбуждает страх в глазах жертвы. Это опьяняет больше, чем вино.

– Помнится, Джулиана это тоже сильно раззадоривало.

– Да, мой мальчик обожает такие штучки. Бедняжке шевалье пришлось прочувствовать это на себе, – рассмеялась женщина.

Немного помолчав, Бруно произнёс:

– Надеюсь, простофиля монах отправился в преисподнюю спокойно, облегчив свою жалкую совесть правдивым признанием.

– Конечно, милый, я ещё не видела, чтобы человек с перерезанным горлом стал сожалеть о прошлом, – в тон ему ответила женщина.

– Да, но, пожалуй, его скоро хватятся.

– Не думаю. Те, кто должны его искать, встретятся с ним в аду.

Дальнейший путь супруги проделали в полной тишине. Чем ближе они подходили к заброшенному дому, тем более напряжёнными становились их лица. Оказавшись у двери, они уже не походили на пройдох с вечными ухмылками. Сейчас это были хладнокровные убийцы, что ни во что не ставят чужую жизнь.

Быстро обменявшись короткими фразами, брошенными отрывистым шёпотом, оба решительно застыли возле входа, и Бруно громко свистнул. За дверью послышались крадущиеся шаги. Видно, невидимка исподволь наблюдал за незваными гостями в щель деревянной обшивки.

Франческа приникла к двери и с испугом в голосе произнесла заветные слова.

Женский голос, приглушённый деревом, удивлённо пробормотал:

– Вы явились без приглашения, разве вам назначено на сегодня?

– Да-да, мадемуазель, мы не должны были приходить, но трагическое дело вынудило нас.

Мы присланы господином Шартье. Ах, это ужасно, ужасно...

За дверью воцарилась короткая пауза.

– Прислал вас? Что с ним приключилось? – недоверчиво протянул голос.

– Мадемуазель, такое несчастье! Мы в отчаянии, в полном отчаянии! Вообразите себе, мы с мужем возвращались домой и внезапно услышали крик, а обернувшись, увидели бедняжку монаха. Он лежал на земле весь в крови! Я едва не лишилась чувств, а мой супруг склонился над ним, пытаясь помочь. Это так страшно, мадемуазель, когда видишь, человека, истекающего кровью! Несчастного сшиб экипаж, видно, возница мчался словно помешанный. Наверняка гадкий слуга был в карете один. Разве благородный человек знатного происхождения позволил бы нестись по улицам как умалишённый? Увидав, что натворил, он мигом покинул место трагедии, а мы даже толком не успели разглядеть его.

Дверь приоткрылась, и на пороге показалась служанка мадам Клотильды.

– То, что вы говорите прискорбно, но...

– Ах, мадемуазель! Когда муж держал умирающего, он буквально умолял нас передать кое-что важное для мадам. Оттого-то и назвал нам условную фразу и кое-как указал дорогу. Ведь мы не могли бы сами добраться сюда, – невинным голосом сказала Франческа. – Господин Шартье узнал моего мужа и, видно, поэтому доверился.

– Хорошо, что нужно передать мадам? – нахмурясь, пробормотала служанка.

– Прошу простить, мадемуазель, – покачав головой, вступил в разговор Бруно. – Но это тайная информация, я скажу её только госпоже Клотильде.

В глазах служанки мелькнуло сомнение. Видно было, как в ней борются желание выставить незваных гостей и боязнь совершить оплошку.

– Вам лучше подождать за дверью, господа, – наконец вымолвила она. – Я доложу мадам, и она сама решит, как быть.

Но внезапно ростовщик с проворством хищного зверя схватил женщину за горло и втолкнул внутрь.

– Ты успела утомить меня своей бдительностью, облезлая гусыня! – прошипел он.

Сжав руки сильнее, он с отвращением смотрел, как жертва отчаянно бьётся за жизнь. Бедняжка не могла сделать ни единого вдоха, глаза её вылезли из орбит, лицо посинело. Но мёртвая хватка сделала своё дело: тело служанки обмякло, и стоило Бруно разжать руки, как она мешком рухнула на пол.

Франческа равнодушно перешагнула через покойницу и, пройдя несколько шагов вперёд, визгливо крикнула:

– Сюда, на помощь, скорей!

Из сумрака возник здоровенный детина, как и все слуги мадам, одетый в чёрное. Он успел лишь заметить тело служанки на полу и незнакомку, стоявшую рядом. Несчастный не успел ничего понять, как предусмотрительно спрятавшийся в нише ростовщик воткнул ему кинжал в спину. Детина с минуту удивлённо замер на месте и, покачиваясь, попытался обернуться. Но ещё один меткий удар сбил его с ног. Бруно нанёс ещё не менее трёх ударов в безжизненное тело.

– Ну, мой дорогой, орудует половчее мясника с рыночной площади, – одобрительно пробормотала Франческа.

– Не желаю, чтобы этот здоровяк очнулся и испортил нам всё, – спокойно ответил супруг.

Надо ли говорить, какая незавидная участь постигла Великую Ведьму Клотильду? Убедившись, что в доме не осталось живых, сводня с мужем неторопливо сложили всё, что хотели, в два баула, и отнесли поклажу в заранее припрятанную неподалёку повозку. Вернувшись, они, поливаясь потом от усердия, вытащили тела и погрузили в тот же экипаж. Сводня равнодушно стащила с одной из покойниц нижнюю юбку и тщательно вытерла следы крови на полу, а заодно сунула за свой корсаж парочку колец, позаимствованных у Клотильды.

Бруно аккуратно прикрыл дверь и как ни в чём не бывало сел на козлы. Тяжело нагружённая повозка проехала до жалкого заболоченного пруда в четверти льё от дома. Там мадам Великая Ведьма и её слуги нашли вечный покой, погрузившись в вонючую тёмную воду.

Супруги бросили друг на друга уважительный взгляд и пожали руки, словно гордясь отлично исполненной работой.

Весь обратный путь Франческа бережно прижимала к груди книгу в потрёпанном чёрном переплёте.

Уличные потаскушки второй день шушукались по углам и искренне недоумевали, отчего сводня стала необычайно ласкова? А на мелкие проступки вместо всегдашней брани и пощёчин лишь грозит пальцем и улыбается, словно строгая, но любящая мамаша. Да и с господином Бруно чудеса творятся. Всем известно, что он не отказывает себе в любви, не платя и медного су за удовольствие. Бедняжки, что давно и прочно завязли в паутине, сплетённой сводней, с явным отвращением несли эдакую повинность. Стоило супругу мадам Франчески остановить взгляд своих наглых холодных глаз на ком-то из девчонок, подружки по несчастью сочувственно вздыхали, тайком радуясь, что хозяйская прихоть их миновала. Кроме потерянного даром времени им приходилось выполнять все желания Бруно. А по части изобретения гнусностей ему, пожалуй, равных не было даже среди знатных сеньоров, что частенько не воздержанны в своих желаниях. При этом угодить хозяину было так же трудно, как заставить траву зеленеть зимой. Кроме щедрой порции унижений, боли и вгоняющих в краску даже выдавших виды потаскушек развлечений, под конец они получали пинка под зад и нелестные замечания по поводу своей крайней неумелости в любви.

И, не переставая удивляться переменам, что внезапно приключились с хозяевами, несчастные девицы терялись в догадках. Не обрушится ли на их бедные головы ещё большей беды? Такое поведение сродни затишью перед бурей.

Но Франческу, как и Бруно, вовсе не беспокоило, что о них говорят или думают жалкие уличные девчонки. Они нетерпеливо поглядывали в небо, ожидая полнолуния.

– Как думаешь, дорогая, стоит ли нам найти другое место для укрытия? – задумчиво бросил ростовщик, отходя от грязного оконца на чердаке.

– С чего это? Мы всё приготовили – осталось дожидаться небесного знака. Не тащить же алтарь¹¹ со всеми прикладами на новое место?

¹¹ В старину: то же, что жертвенник

– Да, но недоумки – из поклонников Клотильды – наверняка уже хватились её. И, пожалуй, тело монаха давно обнаружили.

– Вот ещё нежности! Ты сам назвал их недоумками. Не побегут же они к интенданту полиции, рискуя разоблачать себя? А даже если и наймут для этой цели какого-нибудь пройдоху, поверь на слово, быстро расследовать не получится. Придётся им проглотить всё как есть и утешаться мыслями, что их повелительница отправилась к своему хозяину, – усмехнулась Франческа.

Бруно едва открыл рот, чтобы ответить, но, вновь бросив взгляд в окно, воскликнул:

– Пора! Смотри, луна совершенно круглая! Отлично, теперь не стоит медлить.

Оба так спешно бросились вниз, что едва не скатились с трухлявой лестницы кувырком. Запыхавшись, они рывком сдвинули тяжёлую железную крышку погреба и оказались в подземелье, походившем на заброшенный колодец. Чиркнув огнивом, ростовщик осветил тесное помещение, пропитанное запахом влажной земли и мокрых камней, кое-где поросших мхом. Послышался злобный писк, и сводня раздражённо пнула попавшую под ноги крысу. Деревянные балки, подпиравшие свод погреба, давно сгнили, и супруги сильно рисковали, что, задев хотя бы одну, останутся под развалинами. Посередине тесного помещения показался алтарь – маленький стол, задрапированный чёрной материей. На нём лежала доска с отпечатками ладоней, заботливо привезённая из Куа Тронкиля. В углы столешницы вставлены штыри, оканчивающиеся волчьими головами. Бруно заказывал их у кузнеца, подробно обрисовав каждую деталь. Правда, бедняга кузнец недолго радовался щедрой оплате – в ту же ночь он помер от неизвестной хвори, внезапно напавшей на прежде здорового, крепкого мужчину.

На полу вокруг алтаря был выложен странный орнамент, составленный чёрными свечами. В каждом углу комнаты стояли глиняные плоски с засохшей травой.

Франческа молча кивнула, и супруг обошёл комнату, поджигая плоски с дурманом. В тесном помещении начал стелиться белёсый дым, окутывая всё сладковатым запахом.

Женщина опустила на колени и раскрыла книгу на заложенной алой полоской шёлка странице. Бруно опустился рядом и взял в руки перевёрнутое распятие из чёрного дерева. Франческа глубоко вздохнула и, глядя в книгу, монотонным и гнусавым голосом начала читать строки, написанные на латыни. Она старательно прочла нужный текст и с надеждой бросила взгляд на свечи возле алтаря.

– Проклятье! – внезапно крикнула сводня. – Свечи не вспыхнули! Что-то опять пошло не так!

По лицу Бруно прошла судорога. Холодные глаза вспыхнули злобой:

– Мы оба отъявленные недоумки! – рявкнул он. – Так ничего не получится, Франческа, мы забыли самое главное: кто-то должен положить руки в отпечатки!

Сводня с минуту молча смотрела на мужа, но тотчас вскочила на ноги и быстро забормотала:

– Да-да-да! Ты, может, и недоумок, а я сейчас всё исправлю, всё исправлю... – она подхватила юбки и с ловкостью подростка взлетела по лестнице, приставленной к отверстию погреба.

– Поторопись, иначе провалим всё дело! – крикнул вслед Бруно. – Не вздумай притащить праведника, это не поможет.

Несколько томительных минут он ходил возле алтаря, ожидая возвращения супруги, поправляя складки ткани и натирая рукавом волчьей головы на штырях. Наконец послышались быстрые лёгкие шаги женщины, и за ней тяжёлая мужская поступь. Вместе с Франческой явился громила Ксавье Легран. Он с трудом протиснулся в узкий лаз погреба и удивлённо осмотрелся:

– Однако, весёленькое место вы нашли для разговора, хозяйка.

– Тебя это не касается красавчик, – бросила женщина. – Хочешь получить желаемое, не задавай лишних вопросов.

– По рукам, мадам сводня, но деньги вперёд, – хмыкнул здоровяк с грубым и отталкивающим лицом, больше походящим на звериную морду.

– Смотри, Ксавье, вот десять луидоров золотом, – моментально вступил в игру Бруно. – Ты сроду не имел столько денег. Вряд ли торгуя ребятишками получаешь больше.

– Зависит от покупателей, хозяин, – глумливо усмехнулся громила. – Иной раз товар потянет и на большую сумму.

– Ты лжёшь, красавчик, всем известно, что твои дела стали идти из рук вон плохо и не сегодня-завтра полиция сцапает тебя и отправит на галеры. Так что очередь метать кости не в твоих руках. Ладно, у нас нет времени на разговоры. Оставим их на потом вместе с бутылочкой вина. Ты слышал про Великую Ведьму?

– Как и все, кто добывает хлеб неправедным путём, – хохотнул Ксавье. – Говорят, она помогает исполнять желания, но к ней попадают лишь знатные сеньоры. К тому же прошёл слух, что она исчезла...

– Это тоже не твоего ума дело. Главное, что она оставила нам на хранение кое-что из своих вещей. Большой удачи они не принесут, но мелочь вроде избавления от ареста вполне получится. Но для обряда нужно три человека, а нас, как видишь, только двое. Из всех знакомых мы выбрали именно тебя – ты парень неглупый и заслуживаешь доверия. Наверняка не станешь молоть лишнего.

– Это точно, хозяин, по мне, если уж есть возможность выпутаться без потерь, будьте покойны, ни одна душа не услышит ни словечка.

– Чудесно! Тебе и делать-то ничего не нужно – встань возле стола и положи руки на отпечатки в доске. Остальное – наша забота.

Легран, посмеиваясь, приложил свои огромные ручищи к дереву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.